
Прежде чем назвать любовью
Анна Ларен

Анна Ларен
Прежде чем назвать любовью

https://litres.ru/74782132
SelfPub; 2026

Аннотация

На свадьбе своей кузины Эвелин Хартли трудно радоваться за невесту. Ведь она мечтала быть на ее месте.

Джозеф Эванс любит Сару, а в самой Эвелин видит лишь избалованную девушку, привыкшую добиваться своего.

Время, личные потрясения и испытание одиночеством – поможет ли это понять друг друга лучше?

Среди семейных визитов, музыкальных вечеров и разговоров, в которых самое важное остаётся невысказанным, Джозефу предстоит открыто назвать свои желания. А Эвелин – решить, может ли она довериться человеку, которого так долго любила и так мало знала.

Содержание

Часть первая 4
Глава 1 4
Глава 2 20
Глава 3 33
Глава 4 47
Глава 5 62
Глава 6 77
Часть вторая 91
Глава 7 91
Глава 8 106
Конец ознакомительного фрагмента. 118

Анна Ларен
Прежде чем назвать любовью

Часть первая

Глава 1

Эвелин стояла в церкви, смотрела на кузину Сару в белом подвенечном платье, на высокого стройного жениха и думала лишь о том, что ничего так не хочет, как получить Джозефа Эванса себе.

Джозефом Эвансом звали жениха.

Эвелин с раннего детства привыкла получать все, что хотела.

До сегодняшнего утра это обстоятельство не причиняло ей особенных неудобств. Иногда приходилось подождать, иногда – просить дважды, а однажды отец даже проявил твёрдость и отказался покупать ей лошадь, которую она выбрала исключительно за красивую шею и совершенно не заслуживающую доверия походку. Правда, через неделю появилась другая лошадь. Шея у неё была несколько короче,

зато грива, по единодушному мнению Эвелин и её горничной, – значительно гуще.

Теперь же исправить положение таким образом не представлялось возможным.

Сара чуть повернула голову. Сквозь тонкую вуаль был виден её профиль: прямой нос, мягкая линия щеки, приоткрытые губы. Эвелин знала это лицо с детства, видела его заплаканным, сонным, испачканным ягодным соком. Когда-то Сара упала с яблони и, пока взрослые не пришли на крик, требовала, чтобы Эвелин прежде всего нашла её туфлю. Никогда прежде её лицо не казалось Эвелин таким незнакомым.

Наверное, дело было в том, как Сара смотрела на стоящего рядом мужчину.

Или в том, как он смотрел на неё.

Эвелин опустила глаза на лежавший перед нею молитвенник. За последний месяц она выучила наизусть его руки: длинные пальцы, светлую полоску кожи возле манжеты, маленькую неровность на костяшке большого пальца. Сначала эта отметина показалась ей досадной. Потом она стала искать её взглядом прежде, чем замечала всё остальное. Сегодня его рука лежала неподвижно, и Эвелин почему-то вспомнила, как он три недели назад подал Саре маленький складной нож, чтобы та срезала надломленный цветок. Мог бы сделать это сам. Но Сара протянула ладонь, он положил ей нож, и в той простоте было что-то, чего Эвелин не могла добиться никакими разговорами.

Платье неприятно тянуло под мышкой. Портниха предупреждала, что лиф слишком тесен. Эвелин настояла. Ей хотелось, чтобы он увидел, как она выглядит в бледно-зелёном шёлке.

Он увидел. У церковных дверей, когда помогал Саре выйти из экипажа, он поклонился Эвелин и сказал, что рад хорошей погоде.

Ей тоже пришлось порадоваться.

Сейчас священник задал вопрос, и Джозеф ответил. Негромко, но так отчётливо, что Эвелин услышала каждое слово. Он не искал глазами гостей, не улыбался смущённо, как улыбаются люди, вдруг оказавшиеся в центре всеобщего внимания. Всё внимание, которым он располагал, уже принадлежало Саре.

Эвелин перевернула страницу раньше времени.

Тётя Беатрис, стоявшая слева, придержала край молитвенника пальцем.

– Мы ещё здесь, – шепнула она.

Эвелин вернула страницу.

В церкви было прохладно. От каменного пола тянуло сыростью, хотя снаружи майское солнце уже пригревало и на дороге стояла сухая белёсая пыль. Отец рядом с ней осторожно переминался с ноги на ногу. Новые сапоги, которыми он остался так доволен накануне, оказались тесными. Эвелин знала это, потому что всю дорогу до церкви он с необыкновенным интересом расспрашивал её, сколько времени, по

её мнению, займёт служба.

Она могла бы улыбнуться ему. При других обстоятельствах непременно улыбнулась бы. Но сейчас Сара протягивала руку, Джозеф надевал ей кольцо, и Эвелин вдруг так сильно захотелось выйти, что она на мгновение пошатнулась.

Отец заметил движение и подставил локоть.

Эвелин едва заметно покачала головой.

Нельзя было выйти. Тогда запомнилось бы, что она вышла со свадьбы собственной кузины, а ей хотелось, чтобы запомнили совсем другое: как хорошо она держалась, какое на ней было платье и как мало она огорчалась, расставаясь с Сарой.

Хотя расставаться им, собственно, не предстояло. Эвансы после свадебной поездки собирались жить в Бате. От Элмхауса до города было достаточно близко, чтобы отец ездил туда по делам, не считая это путешествием. Они увидятся. Разумеется, увидятся. Будут семейные обеды, вечера у Уитморов, дни рождения. Джозеф станет приезжать и к ним.

Эта мысль немного помогла.

Когда молодые повернулись к собравшимся, Сара улыбалась так открыто, что несколько женщин одновременно потянулись за платками. Джозеф взглянул на неё, и его собственная улыбка появилась с небольшим опозданием – словно он ещё не вполне верил, что теперь можно улыбнуться, ни от кого не скрывая причины.

Эвелин улыбнулась тоже.

Она умела это делать даже тогда, когда совсем не хоте-

лось.

***

У церковных дверей всех ослепило солнце. Кто-то сразу заговорил слишком громко; запах нагретой листвы, конский дух и пыль оказались после церковной прохлады почти резкими. Сара придерживала юбку, и Эвелин, не раздумывая, наклонилась поправить кружево, зацепившееся за пряжку туфли.

– Не двигайся. Ты порвёшь.

– Уже порвала?

– Нет. Но ещё одно нетерпеливое движение, и придётся объяснять, почему ты вышла из церкви в платье, а домой вернулась в отдельных его частях.

Сара засмеялась. На одно короткое мгновение это снова была прежняя Сара, которой можно приказать постоять смирно и которую можно рассмешить, если она волнуется.

Эвелин освободила кружево. Белая нить оставила на её перчатке крошечный ворс. Она сдула его и выпрямилась.

– Благодарю вас, – сказал Джозеф.

Он стоял совсем близко, придерживая Сару за локоть. В ярком свете его волосы казались светлее, чем в церкви, а серые глаза – более тёплыми. Эвелин всегда удивлялась этой перемене: издали он производил впечатление сдержанного человека, почти сурового, но стоило ему обратиться к кому-нибудь, и становилось ясно, что суровость ему не свойственна. В особенности когда он говорил с женщинами, ко-

торые по возрасту могли приходиться ему бабушками. С ними он был терпелив без той подчёркнутой терпеливости, которая ещё обиднее нетерпения.

– Не за что. Я спасаю фамильное достояние, – ответила Эвелин. – Тётя Мэри говорила о цене этого кружева так, что я теперь боюсь даже смотреть на него слишком пристально.

– И правильно делаете, – заметила подошедшая Беатрис. – Генри до сих пор надеется, что мы все переоценили его достаток.

Дядя Генри, занятый распределением гостей по экипажам, не услышал. Его жена услышала и впервые за утро перестала тревожно осматривать дочь.

– Беатрис, не начинай.

– Я ещё у церкви закончила.

Джозеф улыбнулся. Эвелин посмотрела на него чуть дольше, чем следовало, и увидела, как Сара легко коснулась его рукава. Он немедленно наклонился к ней. Она что-то сказала; он ответил, и они оба засмеялись уже совершенно иначе – тихо, почти беззвучно.

Эвелин отвернулась, будто искала отца.

Ричард Хартли стоял у экипажа и с облегчением опирался на трость, которую взял, по его собственному уверению, исключительно для приличия. Увидев дочь, он оживился.

– Ну, моя дорогая? Всё прошло чудесно. Сара прелестна. Ты тоже прелестна. Я считаю, нашей семье сегодня необыкновенно повезло с молодыми дамами.

– С сапожником ей повезло меньше, – сказала Беатрис.

– Это совершенно не связано с семьёй.

– Тогда не смотри на неё с таким укором всякий раз, когда садишься.

Эвелин рассмеялась. Отец довольно сжал её пальцы. Она знала это движение с детства: если она смеялась, он считал, что всё благополучно.

Ей стало немного легче. Потом она увидела, как Джозеф, прежде чем закрыть дверцу, поправил край Сариной юбки. Не оглядываясь на гостей, не стараясь показаться внимательным. Просто заметил, что ткань может попасть под дверь.

Эвелин поспешно села на своё место.

Всю дорогу до Вудли отец рассказывал, как едва не перепутал перчатки, а она отвечала ему с такой живостью, что к концу поездки даже Беатрис перестала её разглядывать.

***

В доме Уитморов пахло цветами, горячим хлебом и тем особенным беспокойством, которое возникает, когда множество людей должны одновременно сделать вид, будто никуда не торопятся. Дверь в столовую была открыта; в гостиной кто-то искал веер, кому-то не нравилось место у окна, одна из пожилых дам обнаружила, что оставила в экипаже платок, и теперь не решалась признаться, что оставила вместе с ним и очки.

Эвелин очки нашла. Она заметила их ещё в дороге, втиснутыми в маленькую сумочку поверх платка, и теперь без

труда вспомнила, кому принадлежала сумочка. Пожилая дама назвала её ангелом.

– Сегодня я согласна на это звание, – сказала Эвелин, подавая очки. – Завтра отец наверняка его отнимет.

– Я никогда не отнимаю того, что однажды подарено, – возразил Ричард.

– Это верно, – подтвердила Беатрис. – Именно поэтому у нас столько затруднений.

Эвелин показала ей кончик языка, заслонившись веером, и тётка сделала вид, что ничего не заметила.

Во время завтрака Эвелин оказалась достаточно далеко от молодых, чтобы иметь возможность рассматривать их без риска быть немедленно замеченной. Она с удовольствием отвечала сидевшему рядом молодому человеку, имени которого не разобрала, когда их представляли, и от этого отвечала ещё приветливее: она ненавидела, когда невнимательность становилась очевидной.

Он рассказывал о лошадях. Через несколько минут выяснилось, что она знает о них больше него. Это его несколько смутило, и Эвелин мягко вернула ему преимущество, задав вопрос, на который уже знала ответ.

Джозеф в это время наклонился к Саре, слушая её мать.

Эвелин рассмеялась чуть громче, чем требовала история соседа.

Джозеф не поднял головы.

Тогда она заставила себя есть. На тарелке лежало что-

то, что утром она непременно назвала бы превосходным; теперь еда казалась сухой. Шум голосов, звон посуды, движение платьев и локтей сливались в утомительный гул. Эвелин с необыкновенной отчётливостью видела лишь узкую часть длинного стола, где находились Сара и её муж.

Муж.

Она попробовала произнести это слово мысленно ещё раз. У Сары теперь был муж. Не жених, которого можно встретить на вечере, не человек, к которому ещё допускаются предположения. Муж, с которым она уедет сегодня и которому будет говорить то, что не услышит никто другой.

– Вы не находите? – спросил сосед.

– Совершенно, – ответила Эвелин.

Он удивлённо посмотрел на неё.

– Простите, я задумалась. О чём вы спросили?

– Я сказал, что вы, кажется, совсем не любите сельскую жизнь.

– Тогда я ответила неправду. Я очень её люблю. Особенно когда никто не требует от меня это доказывать.

Сосед рассмеялся, решив, что его разыграли. Эвелин улыбнулась и больше не позволяла себе пропускать вопросы.

Позднее, когда гости поднялись из-за стола, Сара нашла её в небольшой комнате рядом с гостиной.

Здесь было тихо. На диване лежали коробка с булавками и раскрытая шкатулка; кто-то оставил на спинке кресла снятую накидку. Сара остановилась в дверях, придерживая пла-

тье обеими руками.

– Я тебя искала.

– Зачем? Ты потеряла ещё что-нибудь драгоценное?

– Пока нет. Впрочем, мама велела мне проверить, не выпала ли серьга.

– Обе на месте.

Сара подошла к зеркалу, посмотрела на себя и вдруг устало опустилась на край дивана.

– Как странно.

– Что именно? Что ничего не потерялось?

– Что всё уже произошло.

Она провела пальцами по складке юбки. Лицо без вуали казалось очень молодым. Эвелин вспомнила, как утром помогала ей застегнуть крошечную пуговицу у запястья. Сара тогда никак не могла попасть в петлю, сердилась на собственные пальцы и всё спрашивала, не слишком ли бледна. Эвелин сказала, что при таком количестве белого вокруг никто не заметит. Сара рассмеялась, а потом неожиданно обняла её.

Сейчас она снова смотрела так, словно нуждалась в чьей-то руке, за которую можно ухватиться перед прыжком.

– Ты ведь хотела этого, – сказала Эвелин.

– Очень.

– Тогда чего ты боишься?

Сара задумалась.

– Наверное, ничего определённого. Всё будет иначе. Даже

самые маленькие вещи. Я завтра проснусь и не услышу, как мама зовёт горничную. А она всё равно позовёт её, потому что привыкла, и потом вспомнит, что меня нет.

Эвелин не знала, что ответить. Ей казалось невероятным, что в такой день можно думать о привычках тёти Мэри.

– Ты будешь слишком занята, чтобы скучать, – сказала она наконец.

Сара покраснела.

Эвелин почувствовала внезапную злость – совершенно нелепую, потому что сама дала повод для этого румянца.

– Во всяком случае, – прибавила она, – ты всегда сможешь приехать и проверить, по-прежнему ли мама зовёт горничную.

– Разумеется. Только это уже не совсем то.

Сара поправила букет, лежавший рядом на диване. Один цветок надломился.

– Как жалко. Утром он был цел.

– Сара, у тебя их целый букет.

– Знаю.

Она всё же осторожно вложила сломанный цветок между остальными.

Из коридора послышался голос Джозефа. Он спрашивал у кого-то, где можно найти жену.

Лицо Сары изменилось раньше, чем он появился в дверях. Исчезла растерянность, и Эвелин вдруг поняла, что все её ответы были не нужны. Нужно было всего лишь дождаться

этого голоса.

– Вот вы где, – сказал он.

– Мы проверяем серьги, – ответила Сара.

Он посмотрел на её уши с преувеличенной серьёзностью.

– Обе при вас. Могу свидетельствовать.

– Мама пожелает второго свидетеля.

– Мисс Хартли уже присутствует.

Эвелин поднялась.

– В таком случае моё присутствие больше не требуется. Пойду сообщу тёте Мэри, что её имущество благополучно пересчитано.

– Подожди, – сказала Сара. – Ты не поможешь мне потом переодеться? Мама обязательно заплачет, и я тогда тоже начну.

– Помогу.

Она ответила сразу. Сара благодарно коснулась её руки, а Джозеф отступил, давая ей пройти.

У двери Эвелин задела его рукав. Ткань была тёплой. Он придержал дверь, и на одно мгновение она оказалась достаточно близко, чтобы почувствовать слабый запах мыла и свежего полотна.

– Вы очень добры к ней, – тихо сказал он.

Эвелин подняла лицо.

– Она моя кузина.

– Да. И всё же благодарю вас.

Он сказал это с такой неподдельной признательностью,

что у неё отнялось приготовленное остроумие.

Она вышла, не ответив.

***

Сара переодевалась долго. Подвенечное платье пришлось снимать с осторожностью, и тётя Мэри действительно заплакала, прежде чем была освобождена хотя бы половина пуговиц. Эвелин держала коробку, подавала булавки и нарочно говорила о вещах, не имевших никакого отношения к отъезду. Тётя Мэри то смеялась, то вытирала лицо, а Сара всё чаще поглядывала на дверь.

Наконец на ней было дорожное платье, шляпка сидела как следует, перчатки нашлись под подушкой, куда их положила сама тётя Мэри.

Сара посмотрела на Эвелин.

– Ну?

– Теперь ты выглядишь так, словно намерена уехать, а не остаться здесь до следующего мая.

Сара обняла её крепче, чем утром.

– Приезжай к нам, когда мы вернёмся.

– Вы ещё не уехали, а уже раздаёте приглашения.

– Обещай.

– Обещаю.

На лестнице Сара вдруг остановилась. Джозеф ждал внизу. Он поднял голову, и она задержалась на ступеньке, улыбаясь ему с какой-то детской нерешительностью, словно хотела ещё раз удостовериться, что он действительно здесь.

Эвелин стояла позади. Ей были видны только затылок кузины, светлая прядь у шеи и рука, лежащая на перилах. Она могла бы подтолкнуть её шутливым словом. Вместо этого ждала, пока Сара двинется дальше.

У экипажа снова возникла суета. Дядя Генри проверял багаж, тётя Мэри вспоминала поручения, переданные ещё утром, отец Эвелин уверял, что дорога будет прекрасной. Артур Харкорт, который всё это время держал чужую накидку, наконец выяснил, чья она, и с видимым удовольствием избавился от неё.

Джозеф подал Саре руку. Она села, и он, прежде чем последовать за ней, повернулся к собравшимся.

Эвелин знала, что сейчас он посмотрит и на неё. Приготовила улыбку заранее.

Он посмотрел.

– До свидания, мисс Хартли.

– До свидания, мистер Эванс.

Ничего больше не произошло.

Лошади тронулись. Сара высунулась в окно, помахала, засмеялась, когда мать велела ей немедленно сесть. Джозеф что-то сказал, придерживая её за талию. Потом экипаж повернул, и белая дорожная пыль медленно опустилась на кусты у ворот.

Эвелин всё ещё держала поднятую руку.

Отец обнял её за плечи.

– Ну что ты, моя девочка. Не нужно так огорчаться. Они

ведь скоро вернутся.

Она опустила руку и позволила ему притянуть себя ближе.

– Конечно, папа.

– Будешь видеть её сколько захочешь.

Эвелин кивнула.

Беатрис, стоявшая по другую сторону дорожки, смотрела на неё. Эвелин заметила это и улыбнулась ещё раз – с усилием, которого тётка, как ей хотелось надеяться, не могла различить на таком расстоянии.

Из дома позвали тётю Мэри. Отец заговорил с Генри, кто-то предложил вернуться в гостиную. Эвелин пошла вместе со всеми, но у дверей остановилась снять перчатку: пальцы почему-то сделались влажными, и шёлк неприятно прилипал к коже.

Внутри уже передвигали стулья. На столике лежала забытая Сарой булавка – та самая, которую Эвелин подавала ей наверху. Она подняла её, подумала, куда положить, и зачем-то спрятала в маленькую сумочку.

Сара обещала написать из поездки.

Эвелин решила, что будет отвечать ей немедленно. Так письма станут приходить чаще.

Глава 2

Первое письмо пришло через пять дней.

Эвелин в это время сидела за роялем и третий раз начинала одно и то же место, всякий раз обнаруживая, что к середине страницы перестала следить за нотами. Когда в дверях показалась горничная с подносом, она вскочила так быстро, что задела коленом инструмент.

– Простите, мисс.

– За что? Ты-то ничего не сделала.

Горничная опустила поднос. На нём лежали два конверта. Один предназначался отцу, второй был надписан знакомым Сариным почерком. Последнюю букву в имени Эвелин кузина обвела с особенным старанием; так она писала, когда хотела, чтобы письмо выглядело изящно.

Эвелин взяла его, поблагодарила и, прежде чем разорвать конверт, зачем-то подошла к окну.

Сара писала о гостинице, о море и о женщине, которая каждое утро выходила гулять с таким количеством вещей в руках, словно навсегда покидала свой дом. Джозеф утверждал, что одна из вещей была собакой, но Сара этого не заметила. Потом шёл длинный рассказ о потерянной перчатке. Перчатка нашлась у Джозефа в кармане: он взял её, пока Сара поправляла шляпку, а потом оба забыли.

«Ты бы непременно сказала, что мы уже лишились рас-

судка, – писала Сара. – Я начинаю опасаться, что ты была бы права».

Эвелин перечитала это место.

Внизу Сара спрашивала о матери, о здоровье отца и о том, хорошо ли растёт куст, который они пересаживали перед свадьбой. Заканчивалось письмо обещанием скоро вернуться. Слова «Джозеф просит передать тебе привет» были вписаны сбоку, между последней строкой и краем бумаги.

Семь слов. Эвелин сосчитала, потом рассердилась на себя за то, что сосчитала, и развернула лист другой стороной, словно там могло обнаружиться продолжение.

Продолжения не было.

Она села отвечать сразу, как решила ещё в день свадьбы. Перо скользило легко. Рассказала о тётином забывчивом попугае – попугая у тёти никогда не было, но так она называла Артура, когда он начинал одну и ту же историю второй раз; о новых сапогах отца, окончательно побеждённых старой домашней обувью; о соседской собаке, которая утащила садовую перчатку и закопала её так старательно, что теперь приходилось пересаживать целую грядку.

Всё это получилось забавно. Эвелин перечитала написанное и подумала, что Джозефу будет приятно услышать письмо за завтраком. Потом прибавила вопрос о прогулках вдоль моря, после чего зачеркнула слишком длинное обращение к Саре и переписала первую страницу.

За этим занятием её и застала Беатрис.

– Новости от молодых?

– Да. Они благополучны и совершенно бесполезны. Не сообщают ничего, что стоило бы рассказать папе.

– Попробуй сказать, что они благополучны.

– Он и без меня уверен, что всё превосходно.

Беатрис взяла со стола письмо, которое племянница к ней подтолкнула. Прочла, улыбнулась над перчаткой, посмотрела на приписку.

– Сара довольна.

– Ещё бы.

Тётка подняла голову.

– Тебя это удивляет?

– Напротив. Всё именно так, как мы ожидали.

Беатрис аккуратно сложила лист по прежним сгибам.

– Тебе не обязательно отвечать до обеда. Ты обещала мне закончить дуэт.

– Я помню.

– Хорошо.

Она вышла, не напомнив, сколько раз уже ждала у рояля. Это было особенно неприятно: Эвелин успела приготовить ответ на упрёк и теперь осталась с ним одна.

Она дописала ещё две строки, поспешно промокнула чернила и пошла в гостиную.

Беатрис не спросила, закончено ли письмо. Сдвинула на скамье ноты, освобождая место рядом с собой.

Играли они поначалу плохо. Эвелин торопилась, тётка

держала прежний темп, и каждая страница заканчивалась небольшим столкновением. Потом Эвелин всё-таки прислушалась. На трудном переходе они одновременно замедлились, и вдруг получилось так хорошо, что она повернулась к Беатрис с улыбкой.

– Видишь?

– Вижу. Оказывается, нас здесь двое.

Эвелин фыркнула, сбилась, и они начали сначала.

***

Дня через два отец предложил съездить в Бат.

Обычно Эвелин спрашивала, сколько времени займут его дела и придётся ли ей ждать в экипаже. На этот раз ответила прежде, чем он успел упомянуть о делах.

– Конечно. Когда выезжаем?

– Если ты желаешь, немедленно после завтрака.

– Прекрасно.

Он погладил её по щеке, довольный такой сговорчивостью.

В городе Эвелин неожиданно обнаружила потребность в новых лентах. Потом понадобились ноты. Затем она вспомнила, что обещала Саре присмотреть кое-что для её гостиной. Сара ничего подобного не просила, но Эвелин рассудила, что не станет возражать, если получит маленький подарок.

За покупками её сопровождала горничная. Девушку звали Нэнси, и она обладала несчастливым свойством смотреть

на вещь ровно столько, сколько требовалось, чтобы решить, нужна ли та в хозяйстве. После этого её интерес иссякал. Эвелин же находила занятным само сравнение, особенно когда сравнивать приходилось цвета, которые при одном освещении были почти одинаковыми, а при другом различались совершенно.

Сегодня она задерживалась ещё дольше обычного. У дверей каждой лавки оглядывала улицу. Один раз приняла за Джозефа незнакомого мужчину с похожей осанкой и так обрадовалась, что приветствие едва не сорвалось с губ.

Мужчина оказался старше, ниже и с бакенбардами, которых она не могла бы простить даже Джозефу.

В книжной лавке Эвелин спросила роман, о котором слышала на прошлой неделе. Книготорговец ответил, что нужный том ожидается. Тогда она попросила показать другой, потом третий. Он терпеливо доставал книги, Нэнси стояла у двери, а время шло.

Эвелин знала, что Джозеф ещё не вернулся из поездки.

Она знала это с полной определённостью: в письме Сара сообщила, когда они намерены выехать. И всё-таки каждый раз, когда за окном проезжал экипаж, Эвелин поднимала глаза.

От этого ей становилось стыдно, будто кто-то застал её за бессмысленным занятием. Книготорговец, к счастью, ничего не замечал. Он был занят рассказом о достоинствах переплёта.

Когда они вышли, Нэнси переменила свёртки из одной руки в другую.

– Тяжело? – спросила Эвелин.

– Нет, мисс.

– Дай сюда ноты.

– Я донесу.

– Не сомневаюсь. Но я тоже могу что-нибудь донести, если это не слишком сильно повредит моему положению.

Нэнси улыбнулась и отдала ей плоский пакет. Эвелин взяла ещё маленькую коробку. На углу она увидела отцовский экипаж и на несколько мгновений почувствовала облегчение: больше не нужно было притворяться, будто у неё есть причины оставаться в городе.

Отец ждал не один. Рядом стоял знакомый, которого он немедленно представил Нэнси как человеку совершенно постороннему, потому что при виде дочери забывал о разумных границах общественных церемоний.

– А вот и моя расточительница. Посмотрите, что она накупила.

– Ничего, о чём ты не был предупреждён, папа.

– Меня предупреждают уже после, когда отказываться неприлично.

– Следовало приучать меня к порядку раньше.

Отец расхохотался. Его знакомый похвалил её остроумие. Эвелин ответила, и разговор продолжился сам собой, без малейшего труда с её стороны. Она знала, где улыбнуться, ко-

гда чуть склонить голову, каким вопросом дать мужчине возможность высказаться.

В экипаже отец заметил:

– Ты всех очаровываешь, дорогая.

Эвелин положила коробку себе на колени.

– Не всех.

– Кого же нет?

– Книготорговца. Он хотел продать мне ещё два тома.

Отец снова засмеялся, и она отвернулась к окну.

***

Второе письмо Сары оказалось короче. Она сообщала о дожде, об отъезде и о том, что они с Джозефом купили для её матери маленькую вещицу, которую трудно описать, но которая наверняка понравится. Приписки от него не было.

Эвелин разозлилась на эту вещицу, потом на дождь, а затем, поскольку ни то ни другое не годилось для объяснения её настроения, – на собственное платье. Нэнси никак не могла закрепить отделку именно так, как ей хотелось.

– Вчера здесь лежало иначе.

– Вчера вы просили выше, мисс.

– Я просила ровно.

Нэнси вынула булавку. На пальце появилась крошечная красная точка. Она поспешно отвернулась, чтобы не испачкать шёлк.

Эвелин замолчала.

– Ты укололась?

– Пустяки, мисс.

– Дай посмотреть.

– Уже прошло.

И в самом деле, смотреть было не на что. Но Эвелин почему-то стало невыносимо стоять перед зеркалом, пока другая девушка с согнутой спиной пыталась исполнить желание, которого она и сама не могла определить.

– Оставь пока. Я надену голубое.

– Оно ещё не выглажено.

– Тогда любое другое. Мне всё равно.

Нэнси посмотрела на неё с таким удивлением, что Эвелин отвернулась.

Позднее она положила на столик в комнате горничной ленту, которую та рассматривала в лавке. Это немного улучшило настроение. Даже удалось убедить себя, что утреннего разговора, в сущности, не было.

Беатрис за обедом спросила, отчего она молчалива.

– Я не обязана всё время разговаривать.

– Разумеется.

– Вы говорите так, будто я больна.

– Я спросила, отчего ты молчалива.

– Просто не о чем говорить.

Отец поспешил сообщить несколько новостей, которые, как он надеялся, могли заинтересовать дочь. Она отвечала слишком коротко и видела, как он старается всё сильнее. Это раздражало, а потом раздражало уже то, что она раздража-

ется на его доброту.

После обеда он предложил пригласить соседей на вечер.

– Ты засиделась дома. Надо немного развеяться.

– Если тебе хочется.

– Мне хочется, чтобы ты повеселилась.

– Тогда пригласи всех.

Он принял это за согласие.

***

Гости приехали через неделю, и Эвелин веселилась с такой решимостью, что к середине вечера у неё заболела голова.

Она пела, хотя обещала петь всего один раз, играла для других, смеялась над шутками, которые заранее угадывала, и позволила пожилому соседу подробно рассказать о своём новом садовнике. Он приходил в замешательство всякий раз, когда замечал, что Эвелин действительно слушает, а она слушала именно потому, что это было так редко и так забавно.

Беатрис наблюдала издали. Ричард несколько раз ловил её взгляд и с удовлетворением кивал: дочь снова была собой.

К концу вечера Эвелин вышла в небольшую комнату за гостиной и остановилась у открытого окна. На подоконнике лежал чей-то платок. Она отодвинула его, чтобы опереться ладонью на холодное дерево.

Из соседней комнаты доносилась музыка. Слова ещё долго продолжали звучать у неё в голове, хотя она уже перестала разбирать их смысл. Ей хотелось, чтобы все уехали. И в то

же время было страшно представить, как в доме станет тихо и придётся подняться наверх, где на столе лежат два Сариных письма.

– Ты хорошо пела, – сказала Беатрис за её спиной.

– Неужели только ради этого стоило искать меня по всему дому?

– Искать не пришлось. Здесь свет.

Тётка подошла и притворила одну створку окна. Эвелин ждала замечания о сквозняке, но Беатрис лишь посмотрела на двор.

– Твой отец доволен.

– Тогда вечер удался.

– А ты?

Эвелин провела ногтем по неровности в краске.

– Что я?

– Довольна?

– Вы хотите, чтобы я перечислила, как много сегодня смеялась?

– Я слышала.

От спокойствия в её голосе стало труднее отшутиться. Эвелин посмотрела на неё. Лицо у тётки было обычное: внимательное, немного усталое после длинного вечера. Она не казалась ни встревоженной, ни раздражённой. И всё-таки Эвелин почувствовала себя пойманной.

– У меня всё хорошо, тётя.

Беатрис кивнула.

– Если тебе захочется побыть одной, не обязательно сперва веселить для этого весь дом.

Она взяла с подоконника платок.

– Вот куда я его положила. А Артур уверяет, что я никогда ничего не теряю.

– И что вы ему ответите?

– Что он ошибается. Это полезно повторять время от времени, пока мы оба способны удивляться.

Она ушла, оставив дверь приоткрытой.

Эвелин постояла у окна ещё немного. Потом вернулась в гостиную, села рядом с отцом и уже не пыталась быть особенно занятной.

Он сразу спросил, не устала ли она.

– Немного.

– Следовало сказать мне. Мы бы никого не приглашали.

– Я устала только сейчас, папа.

Он поправил лежавшую на её плечах шаль. Эвелин позволила ему это сделать и впервые за вечер действительно прислушалась к музыке.

***

Сара с Джозефом вернулись в начале июня.

Известие принёс отец, приехавший из Бата. Он встретил Генри, а тот уже успел навестить дочь и сообщить, что в новом доме не хватает какого-то шкафа, зато всё остальное безупречно. Эвелин дослушала, продолжая вышивать листок, который оказался гораздо темнее, чем следовало.

– Ты была у них? – спросил отец Беатрис.

– Нет. Мы с Артуром уезжаем послезавтра. Я собиралась заехать завтра и попрощаться.

Эвелин воткнула иглу в ткань.

– Я поеду с вами.

Слова вышли слишком поспешными. Она это услышала и тотчас добавила:

– Нужно же вернуть Саре булавку. Я взяла её в день свадьбы.

– Непременно, – сказала Беатрис. – Наверное, она всё это время не могла без неё одеться.

Отец улыбнулся, но Эвелин не улыбнулась в ответ.

– Вы считаете, я навязываюсь?

– Я считаю, ты можешь навестить кузину без помощи булавки.

– Она сама меня приглашала.

– Тогда я совсем не понимаю, зачем мы обсуждаем булавку.

Эвелин покраснела. Тётка поднялась, чтобы убрать книгу, которую держала на коленях, и разговор прекратился так обыкновенно, словно Эвелин не слышала в нём чего-то гораздо большего.

Вечером она долго выбирала платье. Бледно-зелёное, в котором была на свадьбе, отвергла сразу. Голубое казалось слишком нарядным для утреннего визита, полосатое – слишком простым. Нэнси молча раскладывала их на кровати. На-

конец Эвелин заметила, как та сдержала зевок.

– Который час?

Горничная ответила.

– Почему ты не сказала?

– Вы не спрашивали, мисс.

Эвелин посмотрела на платья, потом на неё.

– Оставь голубое. И иди спать.

Когда дверь закрылась, она ещё раз подошла к зеркалу и приложила к себе светлую ткань. Представила, как войдёт, как Сара обрадуется, как Джозеф поднимется ей навстречу.

Потом вспомнила, что он может быть на работе.

Отложила платье и села на край кровати, не снимая туфель.

Нужно было придумать, как спросить об этом утром так, чтобы никому не пришло в голову, что для неё существует разница.

Глава 3

По утрам Джозеф застёгивал манжеты, стоя у окна.

Сара не сразу поняла, почему. В первые дни ей казалось, что так он лучше видит пуговицы, потом она заметила, как он смотрит на улицу. Если у дома останавливался экипаж, его пальцы на мгновение замирали. Даже ещё не одевшись до конца, он уже прислушивался к тому, что происходило внизу.

В это утро экипажа не было. Мальчик с корзиной долго пытался поправить сползшую на глаза шапку, не выпуская ручки. Джозеф проводил его взглядом и улыбнулся.

– Ты мог бы выйти и помочь, – сказала Сара с постели.

Он обернулся.

– Тогда мне пришлось бы одеться раньше.

– А ты не торопишься?

– Пока нет.

– Какое редкое признание.

Он подошёл к кровати, сел рядом и убрал с её щеки прядь волос.

Сара любила, когда он делал это, ещё до свадьбы. Тогда приходилось притворяться, что прядь действительно мешает. Теперь можно было самой повернуться к его ладони, и она всё ещё испытывала удовольствие от этой неожиданной свободы.

– Сегодня к тебе приедет тётушка? – спросил он.

– Да. С Эвелин. Тётушка уезжает завтра.

– Постараюсь застать их.

Сара взяла его за руку, рассматривая не до конца застёгнутую манжету.

– Ты говоришь так, словно я собираюсь остаться одна на необитаемом острове.

– Вчера ты сказала, что в гостиной ещё невозможно принимать людей.

– Вчера там стояли три ящика.

– Сегодня осталось два.

Она толкнула его в плечо. Он поймал её руку и поцеловал пальцы. Сара засмеялась, потянулась к нему, и несколько минут ящики, гости и утренние обязанности не имели никакого значения.

Потом внизу закрылась входная дверь.

Джозеф поднял голову.

Сара не выпустила его сразу. Ей хотелось удержать его ещё хотя бы на несколько мгновений, и он это понял: снова наклонился, коснулся губами её лба, а затем осторожно высвободил руку.

– Я вернусь к завтраку.

– Обещаешь?

– Если это от меня зависит.

Она отпустила его и села, подтягивая к себе покрывало. В коридоре его шаги стали быстрее. Сара слушала, пока он не

спустился, потом посмотрела на оставленную им подушку и улыбнулась.

Нужно было встать. Тётя Беатрис наверняка заметит неубранные ящики. Она, конечно, ничего не скажет о беспорядке, зато спросит, не собираются ли они использовать их вместо стульев.

На туалетном столике лежала записка от матери – уже вторая за три дня. Мама желала знать, удобна ли новая кухарка, достаточно ли в доме белья и помнит ли Сара о занавесках, которые обещала посмотреть. В конце спрашивала, не скучно ли ей одной, когда Джозеф занят.

Сара подумала, что ответит после завтрака. Скажет, что совершенно не скучно. Или просто не станет отвечать на этот вопрос. Мама немедленно предложит приезжать чаще, и тогда получится, что она, Сара, не умеет прожить без родительского дома даже недели.

Она позвонила горничной и попросила принести дневное платье.

Джозеф спустился к завтраку позднее, чем собирался. Сара уже налила себе вторую чашку и читала записку портнихи. Он сел, извинился и потянулся к хлебу.

– Ничего серьёзного? – спросила она.

– Нужно будет заехать к одному человеку пораньше. Я задержусь ненадолго.

Он не стал рассказывать подробности. Это ей нравилось: чужие беды оставались в той части дома, где он работал. Но

иногда вместе с ними там словно оставалась и часть его внимания.

– Мне принесли образцы, – сказала Сара. – Для маленькой гостиной.

– Ты выбрала?

– Ещё нет. Там есть один цвет, который при лампе кажется совсем другим. Хочу посмотреть вечером.

– Посмотрим вместе.

Она подняла глаза.

– Ты действительно хочешь?

Джозеф отложил нож.

– Сара, если тебе важно, чтобы ткань при лампе не превращалась во что-нибудь ужасное, я готов присутствовать.

Она рассмеялась.

– Приходи в маленькую гостиную после ужина. И постарайся выглядеть человеком, у которого есть мнение.

– У меня множество мнений.

– Да, но не о моей гостиной.

Он согласился, что это упущение, и она всё-таки прочла ему часть материнской записки. Джозеф выслушал, попросил передать, что белья достаточно, и сказал, что кухарка кормит его значительно лучше, чем он того заслуживает.

Когда он ушёл, Сара вернулась к образцам. Выбрала два и положила рядом на подоконник, чтобы не забыть вечером.

***

Эвелин увидела Джозефа сразу, как только вошла в дом.

Он выходил из комнаты возле прихожей, разговаривая с пожилым мужчиной. Тот плохо слышал и всякий раз переспрашивал последнее слово. Джозеф не говорил громче, как сделал бы отец Эвелин; просто поворачивался к нему лицом и повторял медленнее. Потом придержал его пальто, дождавшись, пока рука попадёт в рукав.

Эвелин задержалась у зеркала, делая вид, что поправляет шляпку. Беатрис уже отдала свою накидку и ждала, не проявляя нетерпения.

Она всегда умела ждать так, что Эвелин становилось неловко продолжать.

– Доброе утро, – сказал Джозеф, проводив посетителя. – Простите, я не знал, что вы уже здесь.

– Мы вошли меньше минуты назад, – ответила Беатрис. – Ты успеешь ещё о многом пожалеть.

– О чём именно?

– Например, о том, что пригласил родственников прежде, чем они привыкли к твоему браку.

– Приглашала Сара. Но я готов разделить ответственность.

Он улыбнулся Эвелин. Она почувствовала, что приготовленные слова немедленно исчезли, и рассердилась на себя.

– Как удачно, что мы вас застали, – сказала она.

– Я тоже рад. Сара наверху. Сейчас её позовут.

Всё. Он снова посмотрел на тётку и спросил, когда они с Артуром уезжают. Эвелин сняла перчатку, долго освобож-

дая мизинец, чтобы не стоять без всякого занятия.

В гостиной пахло новым деревом и лавандой. Здесь было светлее, чем в родительском доме Сары, и мебель стояла свободнее, как будто ей ещё не успели назначить окончательных мест. На столике лежали раскрытая шкатулка, моток ленты и два небольших образца ткани. Возле окна действительно стоял ящик, накрытый полотном.

Джозеф передвинул кресло для Беатрис.

– Всё ещё устраиваетесь? – спросила она.

– Пытаемся.

– Не торопитесь. Артур до сих пор иногда ищет вещи там, где они лежали в первый год нашего брака.

Эвелин подошла к столику и провела пальцем по краю образца. На обратной стороне был неровный сгиб, сделанный, вероятно, Сарой. Самая обыкновенная вещь. Но Эвелин вдруг подумала о том, что кузина могла вчера сидеть здесь до вечера, передвигать ткань, советоваться с ним. Теперь у неё существовало бесчисленное множество причин произносить его имя.

– Этот лучше, – сказала она, поднимая один кусочек.

– Вы так считаете? – спросил Джозеф.

– Он теплее. Другой сделает комнату холодной.

– Я передам Саре.

Ей хотелось, чтобы он спросил ещё что-нибудь. Почему она выбрала именно этот цвет. Как провела последние недели. Почему не написала о какой-нибудь забавной истории.

Вместо этого он прислушался к шагам на лестнице.

Сара вошла быстро, почти вбежала, и сразу обняла Беатрис, а потом Эвелин. От неё пахло знакомыми духами и свежей тканью. Она была в простом светлом платье, без тех старательных украшений, которыми когда-то отмечала каждый приезд жениха.

Эвелин вдруг почувствовала себя слишком нарядной.

– Как хорошо, что вы приехали. Я уже подумала, что вы передумали.

– Для этого нам пришлось бы сначала решить, – заметила Беатрис. – Ты всё ещё склонна считать приглашение обещанием.

– Но вы ведь приехали.

– Да. Сегодня твой способ оказался удачным.

Сара попросила чаю. Джозеф посмотрел на часы, она заметила это и чуть изменилась в лице.

– Уже?

– Мне нужно вернуться к назначенному времени.

– Ты даже не выпьешь с нами?

Он поколебался. Эвелин знала это короткое колебание по собственному отцу: сейчас уступит. Но Джозеф покачал головой.

– Не успею. Постараюсь вернуться раньше.

Сара кивнула. Он на мгновение положил ладонь ей на плечо. Так просто, словно это было место, к которому его рука привыкла. Эвелин посмотрела в окно.

Через минуту его уже не было в комнате.

Чай принесли втроём. Сара говорила о поездке гораздо подробнее, чем в письмах. Теперь перчатка оказалась не самой смешной историей. Была ещё гостиничная хозяйка, уверенная, что Джозеф слишком молод, чтобы быть врачом, и потому обращавшаяся за советом к более пожилому постояльцу, который оказался торговцем. Сара рассказывала хорошо; Эвелин смеялась, хотя ей совсем не хотелось доставлять кузине ещё одно удовольствие.

Потом Беатрис спросила о хозяйстве, и разговор сделался невыносимо подробным. У кухарки была дочь, у горничной – сомнения насчёт хранения белья, у человека, который должен был привезти шкаф, – чрезвычайно ненадёжная память. Сара с увлечением рассказывала обо всём, что прежде считала скучным.

– Ты говоришь совсем как мама, – не выдержала Эвелин.

Сара остановилась с чашкой у губ.

– Неужели?

– Немножко. Только она говорит о прислуге увереннее.

Беатрис перевела взгляд на племянницу.

– Дай Саре время. У твоей тёти Мэри было преимущество в несколько десятилетий.

Сара улыбнулась, но уже без прежней лёгкости. Эвелин почувствовала досаду. Она вовсе не хотела её обидеть. Хотела, чтобы перестали обсуждать кухарку.

– Я привезла тебе кое-что, – сказала она, открывая сумоч-

ку.

Булавка нашлась не сразу. Вместе с ней пришлось достать платок, маленькую записную книжку и обёрнутую бумагой вещицу – низкую стеклянную вазочку, которую Эвелин выбрала в Бате.

Сара очень обрадовалась. Поставила вазочку на стол, передвинула, посмотрела со стороны окна, потом снова вернула.

– Именно такой мне не хватало. Для коротких цветов. Я всё время ставлю их в стакан.

Она сказала это с такой искренней благодарностью, что Эвелин перестала сожалеть о покупке. Показала, как лучше повернуть вазочку к свету, и минут пять они обсуждали, какие цветы можно будет в неё поставить.

Когда Беатрис поднялась, Эвелин удивилась, что время прошло. Джозеф так и не вернулся.

Сара проводила их до прихожей. Прощаясь с тёткой, на мгновение прижалась к ней крепче.

– Пишите мне, – сказала Беатрис. – И если шкаф опять не привезут, не начинай письмо с извинения, что у тебя нет новостей. Мне интересно и это.

Сара засмеялась.

Эвелин поцеловала её и вышла на улицу первой.

В экипаже тётка спросила:

– Ты довольна, что поехала?

– Конечно.

Беатрис поправила перчатку.

– Подарок пришёлся кстати.

– Я рада.

Эвелин смотрела на дома за стеклом. Ей представлялась оставшаяся в гостиной вазочка. Вечером Сара покажет её Джозефу. Скажет, кто подарил. Он возьмёт её в руки, повернёт к свету – и, может быть, вспомнит, как Эвелин стояла возле окна и выбирала цвет ткани.

После этой мысли поездка перестала казаться совсем неудачной.

***

Лето получилось жарче, чем ожидала Сара.

В доме от жары страдали цветы, в особенности те, которые она ставила в новую маленькую вазочку. Они вяли к вечеру, хотя утром казались совершенно свежими. Сара велела переставить столик подальше от окна. Потом оказалось, что Джозеф привык оставлять на нём письма и теперь всё время возвращался к прежнему месту.

Она смеялась над ним, пока однажды сама не поставила чашку туда, где столика уже не было.

Чашку удалось поймать. Джозеф подхватил её за запястье, Сара – за блюдце, и оба стояли посреди комнаты, глядя на чудом уцелевший фарфор.

– Не говори тётушке, – попросила Сара.

– Почему?

– Она непременно скажет, что мы заслужили это, начав

перестановку.

– Тогда мы всё оставим как есть.

– Нет. Столик вернётся на место.

Он поцеловал её, продолжая держать за руку, и она прижалась к нему щекой, осторожно отставив спасённую чашку на полку.

Это были хорошие дни. Сара вспоминала их потом с такой подробностью, с какой прежде помнила только особенно счастливые летние поездки в детстве. Утром она спускалась по лестнице и видела на вешалке его шляпу. Вечером слышала, как открывается дверь, ещё до того, как он произносил её имя. Стала различать, устал ли он, по тому, как клал перчатки на стол: аккуратно одну на другую или просто рядом, не глядя.

Ей хотелось знать о нём больше. Иногда она спрашивала о детстве, о годах учения, о том, почему он решил стать врачом, если мог выбрать занятие, не требовавшее вставать среди ночи.

– Я мог бы, – соглашался он.

– Так почему?

Он думал, прежде чем ответить.

– Мне трудно представить, чем ещё я был бы настолько занят.

Сара морщилась.

– Ты говоришь так, будто главное достоинство профессии в том, что она не оставляет свободного времени.

– Нет. Просто в ней многое имеет смысл сразу. Человеку плохо, ты пытаешься помочь. Иногда можешь. Иногда не можешь, и тогда хотя бы понимаешь, чего тебе недостаёт.

– А если не понимаешь?

Он посмотрел на неё внимательнее.

– Тогда труднее.

Она захотела обнять его, и обняла. Он прижал её к себе и некоторое время молчал. Сара чувствовала, как его дыхание понемногу становится ровнее, и была счастлива, что смогла дать ему то, чего он ни у кого не попросил бы сам.

Но в другие дни ей хотелось вовсе не быть той, к кому он возвращается отдыхать.

В августе они собирались на вечер, которого она ждала несколько недель. Сара заказала переделать платье, нашла подходящую ленту, накануне примерила серьги и даже спросила его мнение, хотя знала, что он одобрит любой выбор.

Днём пришли за ним. Он ушёл, сказав, что постарается успеть.

Сара была готова задолго до назначенного часа. Сначала сидела, потом встала, чтобы не мять юбку, затем всё-таки снова села. Горничная убрала со столика щётку. В соседней комнате пробили часы.

Когда Джозеф вернулся, ехать уже было поздно.

Он остановился у двери, увидев её одетой.

– Сара. Прости.

– Я думала, ты хотя бы пришлёшь сказать.

– Я собирался. Потом…

Он замолчал и провёл рукой по лицу. На нём было выражение, при котором невозможно спросить, нравится ли ему новое платье.

– Кто-то умер? – тихо спросила она.

– Нет. Нет, к счастью. Но я не мог уйти.

Сара кивнула. Он подошёл, взял её за обе руки.

– Ты сердишься?

– Немного.

– Ты имеешь право.

Почему-то от этих слов ей стало ещё неприятнее. Она не хотела разрешения сердиться. Хотела, чтобы он успел.

– Я знаю, что ты не мог иначе, – сказала она.

Он сжал её пальцы с благодарностью. И Сара поняла, что разговор уже заканчивается: она произнесла то, после чего ему стало легче.

– Тебе принести поесть? – спросила она.

– Если что-нибудь осталось.

– Разумеется, осталось.

Она позвонила и попросила накрыть для него. Потом поднялась переодеться.

Серьга никак не вынималась. Сара слишком торопилась и зацепила застёжкой волосы. Пришлось позвать горничную, а пока та осторожно освобождала прядь, смотреть на своё отражение и терпеть лёгкую боль у уха.

– Жаль, что не поехали, мэм, – сказала девушка. – Платье

так хорошо сидит.

– Мы поедем в другой раз.

– Конечно, мэм.

Сара сняла вторую серьгу сама и положила обе в коробочку. Платье ещё несколько дней провисело в шкафу так, как его убрали в тот вечер: лента была продета через петлю, чтобы не потерялась.

Джозеф подарил ей на следующий день цветы. Он действительно помнил, что огорчил её. Поцеловал, сказал, что вечером они никуда не спешат и могут делать всё, что она захочет.

Сара обрадовалась. Попросила позвать его, когда он освободится, и сама поставила цветы в воду.

Позднее, рассказывая матери о том вечере, она упомянула лишь букет.

Глава 4

К ноябрьскому вечеру у Уитморов Эвелин готовилась с таким тщанием, какого прежде не требовал даже собственный день рождения.

Она знала, что Джозеф будет. Сара написала об этом сама, прислав вместе с приглашением просьбу привезти ноты. Собирались петь и играть; гостей ожидалось немного, почти все свои. Эвелин прочла «почти все свои» с тем удовольствием, которое доставляет обещание отсутствия людей, способных занять того, с кем хочется говорить самой.

За лето они виделись несколько раз. Он оставался неизменно любезен, спрашивал об отце, слушал её шутки, иногда смеялся. Этого было мало, а чего именно недоставало, Эвелин не могла бы объяснить, не унизив себя окончательно.

Она чувствовала разницу между его вниманием к ней и вниманием к Саре даже тогда, когда он ничего не говорил. Стоило Саре войти – он знал, что она вошла. Эвелин для начала приходилось произнести хотя бы одну фразу.

Вечером перед отъездом отец застал дочь возле зеркала, где Нэнси в последний раз поправляла ей волосы.

– Господи, моя дорогая. Генри придётся расширить гостиную, чтобы поместить всех желающих на тебя посмотреть.

– Тогда лучше предупредить его заранее. Мы всё равно опаздываем.

– Нисколько.

Нэнси подняла глаза, но промолчала.

Эвелин увидела это в зеркале.

– Насколько?

– Всего на несколько минут, мисс.

– Ты слышал, папа.

– Время не может идти одинаково для тех, кто должен одеваться, и для тех, кто только ждёт.

Он говорил так убеждённо, что Эвелин улыбнулась. Нэнси подала перчатки. Внизу Беатрис уже сидела с Артуром у камина; Харкортам предстояло провести у родственников несколько дней, и тётка согласилась ехать вместе.

Она посмотрела на племянницу, потом на часы, но сказала лишь:

– Хорошо, что дорога сухая.

Эвелин предпочла бы замечание. Тогда можно было бы ответить, что никто не заставлял ждать её именно здесь.

В Вудли было тепло, многолюдно и пахло полированным деревом. Мэри Уитмор успела переставить кресла так, что люди, привыкшие садиться на одни и те же места, останавливались посреди комнаты с недовольным видом. Сара, уже снявшая накидку, сидела возле небольшого столика. Джозеф стоял за её креслом, слушая Генри.

Эвелин увидела их прежде, чем сняла перчатки.

Он заметил вошедших, поклонился. Сара поднялась и пошла навстречу, протягивая обе руки.

– Ты привезла?

– Разумеется. Иначе зачем бы я приехала?

– Чтобы мама перестала говорить, что ты нас забываешь.

– Я была здесь меньше двух недель назад.

– Для мамы это уже почти забвение.

Они рассмеялись. Сара представила кузину невысокой даме в тёмном платье, которую Эвелин знала с детства и которая немедленно сказала об этом. Возникла небольшая путаница: Сара смутилась, дама обиделась не на неё, а на своё положение в памяти молодых, отец Эвелин начал уверять, что и сам иногда забывает знакомых. Беатрис отвела разговор в сторону, спросив о человеке, которого дама никогда не забывала, потому что имела на него основания сердиться.

Когда всё уладилось, Джозеф подошёл к Эвелин.

– Сара говорит, вы обещали спеть.

– Сара очень щедра на чужие обещания.

– Мне отказаться от надежды?

Эвелин посмотрела на него. Он спрашивал с улыбкой, без особенного намерения, но ей было достаточно и этого.

– Нет. Я постараюсь оправдать её.

– Тогда будем ждать.

Он отступил, пропуская кого-то к столику, а Эвелин ещё некоторое время ощущала, будто разговор не закончился. На ней было платье глубокого тёплого оттенка, и она знала, что оно ей идёт. У окна стояло свободное кресло, откуда её хорошо будет видно, когда начнётся музыка. Отец был в превос-

ходном расположении духа. Всё могло получиться удачно.

Потом она заметила тётушку Хестер.

Пожилая мисс Уитмор приходилась тёткой Генри и Беатрис, но для всей семьи давно стала просто тётушкой Хестер. Она сидела в кресле, которое после перестановки оказалось слишком далеко от камина, и держала на коленях папку с нотами. Должно быть, приехала раньше всех: её чашка уже стояла пустой, а возле блюдца лежал надломленный сухарь.

Эвелин подошла поздороваться.

Хестер долго рассматривала её, потом сказала:

– Ты очень похожа на мать, когда она переставала слушаться.

– А когда слушалась?

– Не знаю. Тогда я редко её видела.

Эвелин засмеялась. Тётушка довольно кивнула и подвинула папку.

– Я принесла старые ноты. Генри хотел, чтобы я сыграла.

– Покажите.

В папке лежали пожелтевшие листы. На одном виднелась аккуратная надпись чужой рукой. Эвелин прочла только дату и имя.

– Это мой брат подписал, – сказала Хестер. – Ещё до того, как женился.

Она прикоснулась пальцем к надписи. Палец чуть дрожал, и лист зашуршал.

– А вы будете играть сейчас?

– Как позовут.

Хестер сказала это с достоинством человека, которому нет нужды напоминать о себе. Эвелин пообещала найти Генри и отошла.

Она почти сразу забыла об обещании. Сара позвала её к новому гостю, а тот оказался достаточно приятным, чтобы разговор не кончился простым представлением.

Его звали Эдвард Лэнгли. Он был знаком с Генри по каким-то делам, о которых Эвелин не стала расспрашивать. Недавно вернулся из-за границы, говорил легко, слушал с видимым удовольствием. Сару он прежде видел лишь мельком и теперь утверждал, что вспомнил её совсем другой.

– Какой именно? – спросила она.

– Значительно более серьёзной.

– В таком случае вы меня с кем-то путаете.

– Я готов признать ошибку.

Эвелин ответила вместо кузины:

– Подождите. Нужно сначала узнать, кем вы её считали. Возможно, ошибка окажется лестной.

Лэнгли рассмеялся и стал рассказывать о первом визите в Вудли. Сара возражала ему, уточняла, вспоминала, кто тогда приезжал. Эвелин слушала, пока не увидела Джозефа у другого края комнаты. Он разговаривал с Артуром, и она нашла повод вернуться к тётке.

***

Музыку начали раньше, чем предполагали, потому что

Хестер неожиданно поднялась с кресла с папкой в руках.

Генри действительно когда-то просил её сыграть, но, кажется, успел об этом забыть. Увидев её возле инструмента, он поспешил отодвинуть скамью и позвать всех ближе. Хестер поблагодарила его кивком. Села долго, устраивая платье так, чтобы оно не мешало ногам.

Эвелин стояла неподалёку. В руках у неё были собственные ноты; она ждала, когда их можно будет положить рядом. Джозеф прислонился плечом к стене за креслом Сары.

Первые такты прозвучали неуверенно.

Эвелин знала эту мелодию. Хестер играла её прежде, и когда-то она действительно получалась очень хорошо. Теперь пальцы не успевали за темпом, который помнила сама исполнительница. Правая рука остановилась, левая продолжила, и музыка на несколько мгновений рассыпалась.

– Эти старые инструменты, – сказал кто-то у двери.

Хестер не услышала или сделала вид, что не услышала. Начала снова.

На этот раз ошибка случилась раньше.

Возле Эвелин одна из молодых дам негромко хихикнула. Эвелин машинально улыбнулась, ещё не вполне поняв чему, и в то же мгновение увидела лицо Хестер. Старушка смотрела в ноты слишком пристально, словно могла заставить пальцы слушаться силой взгляда. Нижняя губа чуть выдвинулась. Она никогда не плакала при людях, во всяком случае Эвелин этого не помнила, но сейчас выражение её лица было таким

знакомым, что улыбка исчезла сама.

– Позвольте, – сказала Эвелин, подходя. – Мне отсюда не видно.

Хестер подняла на неё глаза.

– Что тебе не видно?

– Вторую строку. Вы играете тот вариант, которого я не знаю.

Она поставила свои ноты на ближайший стул и села рядом, не спросив разрешения. Скамья была короткой; пришлось прижать локоть.

– Я играю, как написано, – сказала Хестер.

– Вот именно. А я привыкла сокращать то, что не получается.

За спиной кто-то засмеялся. Теперь смеялись над Эвелин, и она обнаружила, что это не так уж трудно вынести.

Хестер подвинулась. Эвелин положила руку на клавиши и попробовала мелодию медленнее. На первом повороте ошиблась сама, на этот раз совершенно по-настоящему.

– Вот здесь, – заметила Хестер с внезапным оживлением. – Ты опять торопишься.

– Значит, меня нужно остановить.

Она уступила правую часть клавиатуры, взяв несколько простых аккордов слева. Хестер стала играть по одной фразе, не пытаясь поспеть за прежним быстрым ритмом. Это уже мало походило на приготовленное выступление. В комнате разговаривали тише, кто-то передвинул стул. Эвелин упря-

мо держала медленный темп, пока они не дошли до конца страницы.

– Дальше не нужно, – сказала Хестер.

– Там есть повтор.

– Знаю. Не нужно.

Она сняла руки с клавиш. Эвелин закрыла папку прежде, чем кому-нибудь пришло в голову просить продолжения.

Генри поблагодарил, послышались одобрительные голоса. Хестер поднялась слишком быстро, покачнулась и схватилась за край инструмента. Эвелин взяла её под руку.

– Здесь жарко, – сказала старушка.

Ещё четверть часа назад ей было холодно.

– Пойдёмте к окну.

– Не к окну. Там дует.

– Тогда в маленькую комнату. Там никто не играет.

Хестер кивнула. Они пошли медленно. Эвелин чувствовала через рукав её тонкие пальцы и думала, что нужно было подойти раньше, ещё до первого неверного такта.

У дверей Сара коснулась её локтя.

– Ты вернёшься? Мы тебя ждём.

– Скоро.

Она не повернулась к Джозефу. Ей было неприятно представлять, что он видел её у инструмента: неловкую, вынужденную подстраиваться, с локтем, прижатым к боку. Всё, что она готовила дома, осталось лежать на стуле.

В маленькой комнате Хестер села и сразу попросила воды.

Эвелин позвонила, потом сама передвинула подставку для ног. Старушка смотрела на дверь.

– Они думают, я уже не могу.

Эвелин опустилась на соседний стул.

– Вы редко играете на этом инструменте.

– Он ни при чём.

Она сказала это резко. Эвелин замолчала.

Принесли воду. Хестер пила маленькими глотками, держа стакан обеими руками, и Эвелин смотрела в сторону, чтобы не было видно, что она следит за дрожью. Из гостиной донеслась другая мелодия. Кто-то уже начал играть.

– Можешь идти, – сказала Хестер.

– Через минуту.

– Я не маленькая.

– Я заметила.

Хестер посмотрела на неё. Эвелин не улыбнулась. Она действительно не знала, как лучше поступить: уйти и показаться равнодушной или остаться и ещё сильнее обидеть человека, который всё понимает.

Наконец спросила о надписи на нотах.

– Вы сказали, их подарил ваш брат. Он тоже играл?

Хестер некоторое время молчала, разглядывая стакан. Потом сказала:

– Ужасно. Но воображал, что хорошо.

– Вы ему говорили?

– Разумеется. Он отвечал, что я завидую.

Эвелин чуть улыбнулась.

– Кажется, это подходящий ответ почти на любое замечание.

– Он так и считал.

Старушка потянулась к папке. Эвелин подала её, помогла открыть, и Хестер стала показывать листы, объясняя, откуда появился каждый. Некоторые истории были совсем не занятными; в других упоминались люди, имена которых Эвелин слышала впервые. Приходилось переспрашивать, и Хестер время от времени сердилась, что ей неизвестно очевидное.

Минут через двадцать Эвелин уже могла различать двух двоюродных братьев, которых прежде считала одним, и знала, почему одна из свадеб в семье состоялась позднее, чем собирались.

За дверью её позвали. Она приоткрыла и сказала, что подойдёт позже.

Хестер сделала вид, что не слышала.

***

Сара осталась возле рояля, держа ноты кузины.

Ей было жаль, что вечер пошёл не совсем так, как задумала мать. Мама слишком долго разыскивала певицу, потом решила попросить другую гостью, а та начала извиняться ещё до того, как открыла рот. Генри ходил между креслами с преувеличенно довольным видом.

– Вам помочь? – спросил Эдвард Лэнгли.

Сара подняла глаза.

– Если вы умеете угадывать, что именно хочет спеть миссис Грей, то да.

– Я слышал три названия. Пока не уверен, были ли это три песни или одна, которую она пытается вспомнить.

Сара невольно засмеялась.

– Вы жестоки.

– Я растерян. Это часто производит сходное впечатление.

Он взял у неё часть листов и стал перебирать. Оказалось, что умеет читать ноты достаточно хорошо, чтобы найти нужную мелодию, и не настолько хорошо, чтобы давать советы. Это облегчило дело. Миссис Грей наконец согласилась, села другая гостья, и Сара отошла к столику, где были оставлены чашки.

Лэнгли поставил рядом блюдце.

– Вы совсем не садились.

– Сяду, когда перестанут искать вещи.

– Их когда-нибудь перестают искать?

– Ненадолго. Потом кто-нибудь соберётся домой.

Он посмотрел на неё с одобрением, которое показалось Саре приятным именно потому, что не было громким.

Джозеф разговаривал с Артуром у окна. Он поймал её взгляд, чуть поднял брови, словно спрашивал, всё ли хорошо. Она кивнула.

Лэнгли заметил движение.

– Ваш муж, кажется, знает мистера Харкорта давно?

– Они много встречались ещё до нашей свадьбы. Артур

любит говорить с людьми, которые не спорят с ним о том, в чём он ничего не понимает.

– А доктор не спорит?

– Сначала выясняет, есть ли смысл.

Она произнесла это с нежностью и вдруг заметила, что Лэнгли слушает так, будто ему интересна не только история, но и она сама, рассказывающая её. Сара привыкла нравиться. Однако в последнее время её чаще спрашивали о доме, о муже, о родителях. Сейчас разговор почему-то не торопился покинуть её.

– Вы петь не будете? – спросил он.

– Пою недостаточно хорошо, чтобы делать это после Эвелин.

– Но она ещё не пела.

– Значит, я снова упустила удобный случай.

Он рассмеялся. Сара почувствовала, что и сама готова говорить свободнее.

– А что вы любите делать, когда никто не просит ни петь, ни разыскивать ноты?

Она задумалась, потому что ответить оказалось не так просто. Перечислять занятия было скучно. Лэнгли не помогал подсказкой, ждал.

– Ходить куда-нибудь, где я ещё не была, – сказала она наконец. – Хотя в последнее время я чаще выбираю занавески.

– В этом тоже есть открытия.

– Вы говорите как человек, которому ни разу не присыла-

ли третий образец вместо второго.

Он признался, что действительно лишён этого опыта. Спросил, куда она хотела бы поехать. Сара ответила, затем стала расспрашивать о его поездке. Он рассказывал без привычки перечислять всё увиденное, будто предъявлял доказательства собственной образованности. Одну улицу запомнил из-за запаха, другую – потому, что трижды заблудился, разыскивая дом, возле которого уже проходил.

Сара смеялась. В какой-то момент мать попросила её передать ноты, она передала, и разговор продолжился. Джозеф всё ещё был у окна. Сара знала, где он, и могла не оглядываться каждую минуту.

***

Когда Эвелин вернулась, пение закончилось.

Её ноты лежали на стуле, где она оставила их, только сверху появилась чужая перчатка. Гости разбились на небольшие группы. Хестер устроили в комнате наверху, и Мэри велела принести ей поесть отдельно, с чем старушка согласилась после короткого сопротивления.

Эвелин подняла ноты. На платье осталась светлая нитка от Хестериной шали. Она убрала её двумя пальцами.

– Вы больше не будете петь? – спросил Джозеф.

Он оказался рядом так неожиданно, что Эвелин чуть не уронила папку.

– Боюсь, желающие уже наслушались.

– Я ещё нет.

Она подняла глаза, не сразу найдя ответ. Он смотрел на неё спокойно, но внимательнее обычного.

– Вы, кажется, помогали мисс Уитмор?

– Тётушка показывала мне старые ноты.

– Так долго?

– У неё их много.

Он улыбнулся, но не так, как улыбаются удачной шутке.

– Она расстроилась.

Эвелин посмотрела в сторону лестницы.

– Да.

– Теперь лучше?

– Думаю. Она успела рассердиться на меня дважды. Это обычно означает, что ей лучше.

Он тихо рассмеялся.

– Вы могли попросить кого-нибудь остаться с ней.

– Могла, – ответила Эвелин.

Ей вдруг не захотелось продолжать. Если объяснять, всё получится либо слишком важно, либо не так, как было. Она просто не смогла уйти, пока Хестер держала папку раскрытой и показывала надпись человека, которого больше некому было помнить в этой комнате.

Джозеф словно заметил её заминку и не стал спрашивать дальше.

– Тогда я буду надеяться на следующий раз, – сказал он, взглянув на ноты.

Эвелин прижала папку к себе.

– Я постараюсь не забыть.

Он отошёл к жене. Сара что-то рассказывала Лэнгли и, увидев мужа, повернулась к нему, продолжая фразу. Джозеф встал рядом, положил руку на спинку её кресла.

Эвелин посмотрела на свои ноты. Ей следовало огорчиться, что всё приготовленное пропало. Но она помнила, как он спросил о Хестер, и всё время возвращалась к тому короткому молчанию, в котором почему-то не было неловкости.

Уезжая, она попросила тётю Мэри передать старушке, что приедет досмотреть папку.

– Не обещай, если забудешь, – сказала Мэри. – Она будет ждать.

– Я не забуду.

Эвелин действительно не собиралась забывать. Ей самой хотелось узнать, чем закончилась история, которую прервали, когда позвали горничную.

Глава 5

В четверг Эвелин приехала к Хестер с намерением пробыть полчаса.

Полчаса казались разумным сроком. Она исполнит обещание, дослушает историю, поможет разобрать ещё несколько листов. Потом можно будет вернуться домой и успеть на прогулку, от которой она накануне отказалась из-за сырости.

Хестер встретила её уже одетой. На коленях лежала знакомая папка, рядом – другая, толще.

– Я подумала, тебе будет интересно и это, – сказала она.

Эвелин сняла перчатки.

За окном садовник сгребал листья. Они были мокрые, тёмные, совсем не похожие на те, по которым так приятно идти в начале осени. В комнате стоял запах нагретой шерсти. Хестер сидела близко к огню, и от её платья к камину тянулся узкий край шали.

Эвелин подняла его на подлокотник.

– Так безопаснее.

– Я знаю, где огонь.

– Я тоже. Потому и подняла.

Хестер недовольно поджала губы, но шаль оставила.

В первой папке действительно нашлось продолжение истории. Брат Хестер тогда хотел поехать слушать музыку, но вместо этого потратил деньги на лошадь и потом долго объ-

яснял, что намеревался выгодно её продать. Выгодно продать не удалось. Лошадь оказалась с характером, а брат – с ещё более неподходящим для торговли нравом.

Эвелин задавала вопросы. Понемногу из имён, которые прежде ничего не значили, складывались люди: один был смешлив, другой не переносил возражений, третья годами хранила письмо, на которое так и не ответила. Хестер рассказывала с неожиданной пристрастностью. Человека, умершего задолго до рождения Эвелин, она всё ещё упрекала в том, что он однажды сел не на своё место.

– Может быть, он не знал? – предположила Эвелин.

– Знал. Я ему сказала.

– До того, как он сел, или после?

Старушка посмотрела на неё с подозрением.

– Ты его защищаешь?

– Пока пытаюсь выяснить обстоятельства.

– Он был очень неприятный человек.

– Тогда, вероятно, защищать бесполезно.

Хестер удовлетворённо кивнула и перевернула лист. Бумага зацепилась за потрескавшийся шёлковый шнур. Эвелин помогла освободить уголок, не успев подумать, что прежде попросила бы сделать это кого-нибудь другого.

Ей стало жарко. Она расстегнула одну пуговицу у горла, потом спохватилась и застегнула снова.

Когда внизу открылась дверь, Эвелин не сразу прислушалась. Лишь услышав голос Джозефа, подняла голову.

Хестер заметила.

– Что там?

– Кто-то приехал.

– Наверное, Сара. Она обещала зайти к матери.

Эвелин посмотрела на дверь. На ней было самое обыкновенное дневное платье, волосы после дороги наверняка лежали не так, как утром. Рядом с креслом стояли туфли Хестер, которые пришлось отодвинуть, чтобы разложить папку на маленьком столике. Эвелин зачем-то поправила одну носком собственной туфли.

Джозеф вошёл через несколько минут, после короткого стука. Сара осталась с матерью внизу.

– Мне сказали, у вас гости, – произнёс он, поклонившись Хестер, а потом Эвелин.

– Один гость, – ответила Хестер. – Эвелин. И она уже познакомилась с половиной покойников в нашей семье.

– Тогда я опоздал к самому интересному.

– Большинство из них тебе не понравилось бы.

Он сел на предложенный стул. Спросил, удобно ли ей теперь в этой комнате. Хестер пожаловалась на скрипящую дверь, на горничную, которая слишком сильно задвигает шторы, и на то, что Мэри всё время пытается накормить её раньше, чем она проголодается.

Джозеф выслушал. Не стал ни успокаивать, ни спорить. Эвелин смотрела, как он держит руки, сложив на коленях, и пыталась вспомнить, всегда ли у него такая привычка. Потом

обнаружила, что снова пропустила вопрос.

– Простите?

– Вы уже закончили смотреть ноты? – повторил он.

– Нет. Здесь ещё целая жизнь.

– Несколько, – поправила Хестер.

– Несколько жизней. И все требуют объяснения.

Он улыбнулся. Эвелин на этот раз заметила его улыбку не сразу: Хестер повернулась к огню и осторожно переменила положение ноги. Пришлось подвинуть подставку.

Джозеф помог, перехватив тяжёлый край. Их пальцы на мгновение встретились на деревянной ручке.

Эвелин отняла руку слишком быстро. Ноготь задел дерево, и она почувствовала лёгкую боль.

– Осторожно, – сказал он.

– Я не ушиблась.

– Хорошо.

Он не придал этому значения. Зато Эвелин ещё долго не знала, куда деть руку.

Когда Хестер решила отдохнуть, оказалось, что прошло значительно больше получаса. Эвелин закрыла папку, запомнив, какой лист остался последним. Старушка спросила, придёт ли она ещё.

– Если вы позволите.

– Только не в пятницу. По пятницам я устаю.

Эвелин кивнула с полной серьёзностью. Джозеф, стоявший у двери, отвёл взгляд. Уже в коридоре она увидела, что

он сдерживает улыбку.

– Не смейтесь, – сказала она тихо. – У меня тоже бывают дни, когда я устаю заранее.

– Я не смеюсь.

– Тогда вам больно. Вы делаете совершенно такое лицо.

Он всё-таки рассмеялся. Негромко, чтобы не услышали за дверью. Эвелин улыбнулась в ответ и вдруг на несколько мгновений забыла, что собиралась произвести на него впечатление.

Спускались они вместе. У поворота лестницы Джозеф задержался, пропуская её вперёд.

– Вы очень терпеливы с ней.

– Она рассказывает интересно.

– Я знаю. Но не всегда помнит, с чего начала.

– Иногда это даже лучше. Никогда не угадаешь, куда попадёшь.

Он посмотрел на неё внимательнее.

Эвелин почувствовала этот взгляд, ещё не повернув головы, и всё обыкновенное сразу исчезло. Стало важно, как она держит плечи, не выбилась ли прядь, не слишком ли быстро они идут. Она чуть замедлилась.

– На том вечере я помешала всем, – сказала она.

– Кому?

– Музыке. Программе. Тётя Мэри хотела, чтобы всё было устроено иначе.

– Мне показалось, мисс Уитмор вы помогли.

– Да. Но я сперва…

Она остановилась. Сказать, что сперва сама улыбнулась чужой жестокости, было невозможно.

Джозеф ждал.

– Мне следовало раньше заметить, – закончила она.

– Я тоже не сразу понял.

Они дошли до нижней ступеньки. Сара из гостиной позвала мужа, и он ответил немедленно.

Эвелин осталась у перил на секунду дольше. На ладони ещё чувствовалась деревянная ручка подставки, там, где он перехватил её рядом с её пальцами.

***

После этого Эвелин стала ждать встреч иначе.

Прежде ей хотелось прежде всего нравиться. Придумать что-нибудь смешное, надеть то, чего он ещё не видел, вызвать улыбку и запомнить её. Теперь оказалось, что она может вспоминать не собственные слова, а его ответ. Как он согласился, что тоже не сразу понял. Как не стал уверять, будто всё было прекрасно.

Ей нравилось, что он признался в такой маленькой ошибке именно ей.

Она придавала этому гораздо больше значения, чем он мог предполагать.

В начале декабря они встретились на обеде у знакомых. За столом их разделяли два человека. Джозеф спросил, нашла ли она в старой папке музыку, которую хотела спеть.

Эвелин удивилась, что он помнит. Ответила слишком подробно и потом до конца обеда жалела о каждом лишнем слове. Он слушал внимательно, но разговор всё равно прервался: сидевшая рядом дама задала ему вопрос, и он повернулся к ней.

Эвелин почувствовала обиду, хотя понимала, что иначе и быть не могло.

Потом Сара рассказала историю, которую она сама уже слышала, и Джозеф улыбнулся жене. Эвелин заметила знакомое движение его руки возле Сариного локтя и решила не смотреть в их сторону до конца вечера.

Продержалась несколько минут.

В Элм-хаусе отец всё чаще спрашивал, не скучно ли ей.

Она хотела бы ответить честно, но не знала, как объяснить: развлечений достаточно, а жизнь кажется пустой именно между теми часами, которые на развлечения совсем не похожи. Обыкновенный четверг в комнате Хестер она помнила лучше, чем большой вечер, где все говорили, что она прелестна.

Однажды отец предложил ей новую поездку.

– Можем навестить Харкортов после Рождества. Беатрис всё равно жалуется, что мы к ней не выбираемся.

– Она не жалуется.

– Говорит, что мы не выбираемся. В её исполнении это жалоба.

Эвелин подняла глаза от книги.

– А надолго?

– Как захочешь.

Как захочешь. Отец произнёс привычные слова и уже улыбался, уверенный, что предложил удовольствие. Эвелин вдруг подумала, как было бы хорошо действительно захотеть: поехать, увидеть другую дорогу, проснуться в другой комнате, перестать прислушиваться к каждому упоминанию Бата.

Но Джозеф останется здесь.

– Лучше весной, – сказала она.

– Как угодно, моя дорогая.

Он не заметил её колебания. Она была благодарна и одновременно почему-то сердита на него за эту лёгкость.

***

К Рождеству Беатрис с Артуром снова приехали в Вудли, и семья собралась у Уитморов.

Эвелин заблаговременно придумала подарки почти всем, но дольше всего думала о том, чего дарить не собиралась. В книжной лавке ей попался том, который, как она помнила, Джозеф упоминал в разговоре. Она взяла его в руки, посмотрела титульный лист, даже спросила цену.

Потом поставила обратно.

Если подарить книгу ему одному, Сара непременно заметит. Если подарить им обоим, он, возможно, решит, что её выбрала кузина для кузины, вовсе не думая о нём. Эвелин рассердилась на собственную невозможность сделать самое

обыкновенное действие и купила ноты для Сары.

Вечером Беатрис застала её за столом с обёрточной бумагой.

– Нужно подержать?

– Если вы не заняты.

Тётка прижала край, пока Эвелин завязывала ленту. Получалось неровно.

– Ты слишком туго тянешь.

– Иначе развяжется.

– Развяжется в любом случае. В этом назначение узла на подарке.

Эвелин ослабила ленту.

– Вы иногда говорите так, что мне хочется делать наоборот.

– Я заметила. Поэтому стараюсь выбирать случаи, когда это не повредит ни тебе, ни окружающим.

Они вместе поправили бумагу. На другом конце стола лежало недописанное письмо знакомой. Беатрис взглянула на него.

– Ты ответила миссис Уэстон?

– Ещё нет.

– Она спрашивала, приедем ли мы в среду. Мне нужно знать до завтра.

Эвелин вздохнула.

– Я не хочу ехать.

– Тогда напиши, что не приедешь.

– Может быть, вы сами ей скажете?

– Ты обещала ей ответить.

– Папа всегда отвечает за нас обоих.

Беатрис посмотрела на неё без улыбки.

– Он приглашён с тобой. Я приглашена отдельно.

Это было разумно и потому особенно досадно. Эвелин отложила ленту, придвинула письмо и несколько мгновений сидела, держа перо неподвижно.

Тётка не ушла. Взяла другой пакет, стала аккуратно складывать бумагу. Эвелин сначала показалось, что её караулят, потом она увидела, как Беатрис, задумавшись, дважды загнула один и тот же угол. У тётки было достаточно собственных мыслей.

Она дописала письмо. Перечитала, нашла его излишне холодным, прибавила несколько слов о здоровье миссис Уэстон и попросила передать его с утренней почтой.

Беатрис поблагодарила так обыкновенно, что сердиться дальше оказалось не на что.

***

На этот раз Эвелин спела.

Она не искала Джозефа взглядом до самого конца. Знала, где он сидит, потому что заметила ещё перед началом: рядом с Сарой, немного позади других. Если посмотреть туда, можно было увидеть, как он наклоняется к жене, и тогда всё старание пропадёт.

В комнате было тепло. От свечей возле нот поднимался

слабый запах воска. Эвелин не торопилась, внимательно слушая собственное дыхание, и на трудном месте ей вдруг стало легко – так, как бывает, когда движение, прежде требовавшее усилия, наконец становится верным.

Она закончила и лишь потом подняла голову.

Сара аплодировала первой. Джозеф смотрел прямо на Эвелин и тоже хлопал. Хестер, сидевшая ближе всех к инструменту, кивнула, будто подтвердила заранее известное.

Эвелин улыбнулась, встала, ответила на похвалы. Отец сказал что-то слишком восторженное, и она попросила его не рассказывать всем, будто учил её сам.

– Разве я утверждал это? – удивился он.

– Пока нет. Но у тебя такой вид.

Люди засмеялись. Ей принесли воды. Сара поцеловала её в щёку и сказала, что этот вечер теперь можно считать удачным.

Джозеф подошёл позже, когда шум немного стих.

– Благодарю вас, – сказал он.

Эвелин поставила стакан.

– За что?

– Что всё-таки спели. Я думал, вы откажетесь.

– Почему?

– Вы в последнее время стали…

Он остановился, подбирая слово. Эвелин почувствовала, как напряглись пальцы.

– Скучной?

– Нет. Тихой.

Она попробовала улыбнуться.

– Вы хотите сказать, прежде я не давала никому говорить?

– Я ничего подобного не говорил.

Он смотрел серьёзно. Эвелин вдруг стало трудно дышать, хотя пела она только что совершенно свободно.

– Простите, – сказала она. – Я знаю.

Джозеф помолчал.

– У вас всё хорошо?

Он спросил это тихо, так, чтобы не услышали рядом. От одного его желания поговорить с ней отдельно всё вокруг показалось Эвелин ненастоящим: знакомая мебель, голоса, отец у камина. Ей хотелось ответить что-нибудь такое, после чего он не сможет отойти.

– Да, – сказала она. – Почему вы спрашиваете?

– Мне показалось, вы чем-то огорчены.

– Не больше других.

Он чуть нахмурился.

– Вы не обязаны объяснять. Просто если я могу…

– Ничего не нужно, – перебила она слишком поспешно. – Благодарю вас.

Теперь он отступит. Она поняла это в ту же секунду, как произнесла последние слова, и испугалась, что сама всё испортила.

Но Джозеф не отошёл сразу. Спросил, какую музыку она хотела бы исполнить в следующий раз. Эвелин назвала

несколько вещей, спросила его мнение. Оказалось, он знает одну из мелодий, но не помнит названия.

Она напела начало негромко, почти шёпотом. Он покачал головой. Тогда другое.

– Да, – сказал он. – Именно это.

Они улыбнулись одновременно. Всё было очень просто, и потому Эвелин захотелось, чтобы разговор длился как можно дольше. Она уже не старалась сказать особенно остроумное. Рассказывала, где услышала мелодию, как долго искала ноты, как ошиблась в названии и однажды получила совсем не то.

Джозеф слушал.

Потом подошла Сара.

– Вот вы где. Мама спрашивает, не будете ли вы играть ещё.

Она взяла мужа под руку и прижалась к нему плечом. Джозеф посмотрел на неё с той привычной мягкостью, которую Эвелин узнала бы теперь даже со спины.

– Я выяснял название музыки, – сказал он.

– Нашёл?

– Благодаря твоей кузине.

– Она всегда всё помнит. Кроме того, что сама обещала мне написать.

Сара улыбнулась Эвелин. Та ответила, но уголки губ почему-то не слушались.

– Я писала тебе в прошлом месяце.

– Знаю. Я шучу.

Джозеф коснулся Сариной руки. Она что-то спросила у него, он наклонился, чтобы лучше расслышать, и Эвелин отступила к столику, подбирая свои ноты.

Впервые за весь вечер ей стало холодно.

***

Домой они возвращались поздно. Беатрис ехала с Артуром, отец и Эвелин остались вдвоём.

Он некоторое время рассказывал о новостях Генри, потом заметил, что дочь не отвечает, и замолчал. Эвелин сидела, положив ладонь на завёрнутые ноты. Под перчаткой палец нащупывал край бумаги.

– Устала?

– Да, папа.

Он устроил дорожное покрывало так, чтобы ей было теплее. Она хотела поблагодарить, но голос мог прозвучать не так, и потому лишь сжала его руку.

Дома поднялась наверх прежде, чем Нэнси успела убрать вещи. Встала перед зеркалом и долго смотрела, как горничная вынимает из волос булавки.

Она была красива. Это не исчезло за вечер. Лицо всё то же, платье всё так же хорошо сидело, пела она лучше, чем когда-либо прежде.

Ничего из этого не помогло.

Когда осталась одна, Эвелин вынула из сумочки маленькую карточку с названием мелодии. Она записала его для

Джозефа, а потом не отдала: Сара подошла, разговор переменился.

На обороте сохранилось старое пятнышко чернил. Эвелин помнила, как испачкала карточку ещё дома и подумала, что это неважно, всё равно никто не увидит.

Она положила её в ящик вместе с письмами кузины.

Внизу закрыли дверь. Отец, должно быть, пошёл к себе. Эвелин прислушалась к его шагам и вдруг очень ясно поняла, что не сможет рассказать ему ни о чём из того, что с ней происходит.

Он непременно постарается помочь.

А просить Джозефа полюбить её не сможет даже он.

Глава 6

В январе Сара достала старую папку с рисунками.

Она искала совсем другое: небольшой лист, на котором записала размеры полок. Папка лежала в нижнем ящике, куда при переезде убрали вещи, не требовавшие немедленного внимания. Сверху оказались письма, потом несколько вырезанных узоров, а под ними – знакомый потёртый картон.

Сара села прямо на ковёр.

На первом рисунке был дом, похожий на Вудли лишь настолько, насколько сама она в пятнадцать лет считала сходство необходимым. Потом шли ветки, неудачно нарисованная рука, портрет Эвелин, которая никак не соглашалась сидеть спокойно и потому получила на бумаге выражение глубокого недовольства. Сара улыбнулась. Перевернула ещё несколько листов.

Последние были лучше. Она помнила, как старалась передать свет на чашке, как сердилась, когда тень оказывалась слишком тёмной. Тогда ей казалось, что можно научиться почти всему, если заниматься достаточно долго.

Она перестала рисовать не сразу. Сначала пропустила один день, потом другой. Появился Джозеф; письма, поездки, примерки, разговоры с матерью заняли всё время, о котором Сара прежде жаловалась, что его слишком много. Папку отложили, потом положили в ящик, а теперь она смотрела на

свои рисунки с чувством, будто нашла вещь, принадлежавшую младшей сестре.

Джозеф вошёл, когда она всё ещё сидела на полу.

– Что случилось?

– Ничего. Я искала размеры.

Он посмотрел на разложенные листы, потом сел на корточки рядом.

– Нашла?

– Нет.

– Зато, кажется, нашлось другое.

Сара протянула портрет Эвелин. Он узнал её сразу и засмеялся.

– Она знала, что ты рисуешь?

– Конечно. Потому и выглядела так. Я не позволяла ей разговаривать.

– Тяжёлое испытание.

– Для нас обеих.

Он взял другой лист, наклонил к свету. Сара ждала, что он скажет. Не потому, что считала рисунок особенно хорошим; просто впервые за долгое время ей было важно мнение о чём-то, не связанном ни с платьем, ни с устройством дома.

– Красиво, – сказал он. – Это из сада твоего отца?

– Да.

– Я помню эту скамью.

Сара кивнула. Он положил лист, помог ей собрать остальные.

– Ты могла бы снова заняться, если тебе нравится.

– Мне нравилось.

– Тогда займись. Здесь достаточно места. Можем освободить стол у окна.

Он говорил охотно, с желанием помочь. Сара поблагодарила. Когда он поднялся и вышел, она ещё несколько минут перебирала листы.

Он не спросил, почему она перестала.

Сара тут же упрекнула себя: разве это так важно? Он посмотрел, похвалил, предложил место. Нельзя требовать от человека, чтобы он угадывал каждый вопрос, который тебе хотелось бы услышать.

Она закрыла папку и положила на стол.

Размеры полок нашлись вечером в записной книжке.

***

Эдвард Лэнгли приехал к Уитморам через неделю.

Встречались они после ноябрьского вечера ещё несколько раз, всякий раз при людях. Сара привыкла заранее радоваться, если знала, что он будет. Это было приятное, пока ничем не отягощённое ожидание. С некоторыми людьми разговор сразу складывается легче, чем с другими; она не видела причины придавать этому особое значение.

В тот день Джозеф не мог сопровождать её к родителям. Мать велела приезжать всё равно, потому что хотела показать новую обивку и спросить совета, в котором, как Сара подозревала, уже не нуждалась.

Лэнгли оказался там по делу Генри. Бумаги вскоре убрали, принесли чай. Мэри продолжала рассказывать о ткани, Генри – о ценах, Эдвард поддерживал оба разговора с терпением, которое показалось Саре почти героическим.

Она посмотрела на него поверх чашки. Он заметил и чуть приподнял бровь.

Сара улыбнулась прежде, чем успела решить, что именно это означает.

Потом Генри ушёл с каким-то посетителем, Мэри позвали к экономке, и они остались в гостиной вдвоём. Дверь была открыта. В соседней комнате шуршали бумаги. Ничего необычного в этом не было.

– Вы сегодня довольны собой, – сказал Лэнгли.

Сара поставила чашку.

– Почему?

– Вы улыбаетесь так, будто вам удалось что-то, о чём остальные ещё не знают.

Она подумала о рисунках и неожиданно для себя рассказала.

Он не стал хвалить того, чего не видел. Спросил, что именно она рисовала, чем, как долго училась. Сара сначала отвечала коротко, потом увлеклась и стала объяснять, почему у неё никогда не получались лица.

– А вы хотели бы их рисовать?

– Конечно. Иначе зачем я так долго мучила Эвелин?

– Чтобы заставить её молчать, насколько я понял.

– Это было дополнительное удовольствие.

Он рассмеялся. Сара рассказала о портрете кузины и увидела, что он слушает с той же внимательностью, с какой в ноябре расспрашивал о её желании путешествовать.

– Покажете когда-нибудь? – спросил он.

– Если решу, что выдержу ваше мнение.

– Я постараюсь быть деликатным.

– Лучше правдивым.

– Это бывает труднее.

– Я знаю.

Разговор продолжался без усилия. Сара заметила, что совершенно перестала следить за временем. Когда вернулась мать, ей даже пришлось напомнить себе, что это материнская гостиная и никто не обязан оставлять их одних.

Домой Сара приехала в хорошем настроении. Поставила папку на стол у окна и велела не убирать её в ящик.

Вечером Джозеф заметил.

– Ты начала?

– Пока только приготовилась.

Он подошёл, посмотрел на чистую бумагу и карандаши, поправил стоявшую слишком близко к краю чашку.

– Здесь тебе удобно?

– Да.

– Тогда хорошо.

Она потянула его за руку.

– Посиди со мной немного.

– Сейчас?

– Если можешь.

Он сел. Сара устроилась рядом, прислонившись к его плечу. Некоторое время они молчали. Потом он рассказал, что видел в городе её отца, а она – что мать всё-таки выбрала обивку без их помощи.

Он засмеялся и поцеловал её в висок.

Сара закрыла глаза.

Она любила его. Ей было хорошо, когда он сидел рядом и не собирался вставать. Мысль об этом показалась настолько простой, что никакая другая не могла с ней соперничать.

О Лэнгли она не рассказала. Его приезд был слишком незначительным событием, чтобы вспоминать теперь.

По крайней мере, так она решила.

***

Зима в Элм-хаусе тянулась медленно.

Эвелин больше не спрашивала, кого приглашают на вечера, с прежней поспешностью. Научилась слушать разговор о городе, не поднимая головы, пока не прозвучит нужное имя. Иногда даже удавалось потом не задать ни одного вопроса.

От этого было мало пользы. Утром она могла решить, что не станет думать о нём до обеда, а через час обнаружить, что мысленно уже несколько раз поговорила с ним и ни разу – с человеком, сидящим рядом.

Отец заметил перемену, но объяснял её недостатком развлечений. Беатрис уехала после праздников и писала о ве-

щах, требовавших ответа: о книге, которую обещала прислать, о погоде, о планах на весну. Эвелин отвечала исправно, потому что тётка имела неприятную привычку помнить содержание собственных писем.

Джозефа она увидела однажды в городе.

Они с Нэнси выходили из лавки, когда он остановился на другой стороне улицы. Эвелин успела заметить, как он разговаривает с человеком возле экипажа, как слушает, чуть склонив голову, как поднимает руку в прощальном движении.

Он повернулся, увидел её и перешёл дорогу.

На несколько мгновений день стал совсем другим.

– Доброе утро, мисс Хартли. Вы одна?

Эвелин посмотрела на Нэнси, и он сразу поправился:

– Я хотел спросить, не приехал ли ваш отец.

– Приехал. Но предпочёл моему обществу свои дела. Вы находите это естественным?

– Вполне могу представить, что он пожалеет.

– Вот что я скажу ему, когда он вернётся.

Она улыбнулась. На улице было холодно, и, пока они стояли, ветер забирался под край накидки. Джозеф заметил, как она сжала руки.

– Не буду вас задерживать.

– Я совсем не тороплюсь.

– Но замёрзнете.

Он произнёс это с заботой, и Эвелин почувствовала бессильное раздражение: почему каждое его доброе побужде-

ние уводит его от неё?

– Вы всегда знаете, что другим следует делать? – спросила она прежде, чем успела остановиться.

Джозеф посмотрел с удивлением.

– Надеюсь, не всегда. Иначе я был бы невыносим.

Ей стало стыдно.

– Простите. Я не это имела в виду.

– Я не обиделся.

Он не улыбался, но голос оставался спокойным. Эвелин заметила усталость вокруг глаз. Ей захотелось спросить, что случилось, только вопрос мог прозвучать слишком лично.

– У вас много работы? – сказала она.

– Достаточно.

– Сара скучает?

– Надеюсь, не слишком. Сегодня она поехала к матери.

Он сказал это с прежней уверенностью. Эвелин кивнула. Впервые за разговор подумала о кузине, и мысль оказалась такой неприятной, что захотелось сразу проститься.

Джозеф, однако, спросил о Хестер. Эвелин рассказала, что та решила разобрать ещё один ящик и теперь подозревает всех домашних в краже писем, которые никто, кроме неё самой, не стал бы хранить.

Он засмеялся. Эвелин тоже. Нэнси терпеливо стояла рядом, прижимая к себе свёрток.

– Вы стали с ней ближе, – заметил Джозеф.

Эвелин удивилась.

– Наверное.

– Она о вас спрашивает.

– Только потому, что другим некогда.

– Вам тоже могло быть некогда.

Он сказал это без нажима. Эвелин почувствовала, как у неё теплеет лицо, хотя пальцы уже совсем озябли.

Потом они простились. Она видела, как он уходит, и знала, что потом вспомнит всё: место, где стоял его сапог на краю тротуара, светлую нитку на воротнике, короткое колебание перед ответом.

Нэнси спросила, идти ли дальше.

– Да, – сказала Эвелин. – Конечно.

У отцовского экипажа пришлось ждать. Ветер усилился. Нэнси переставила свёрток, подула на пальцы, и Эвелин впервые за несколько минут заметила, что холодно не ей одной.

– Почему ты не надела другие перчатки?

– Эти ещё хорошие, мисс.

Эвелин хотела ответить что-то о предусмотрительности, но вспомнила, что сама заставила её стоять на ветру. Придвинулась, освобождая более защищённое место у стенки экипажа.

Они ждали молча. Разговор с Джозефом уже начал обрастать теми значениями, которых он, вероятно, вовсе в него не вкладывал.

***

Лэнгли увидел Сарины рисунки в конце месяца.

Он приехал вместе с сестрой. Джозеф в тот день был дома к началу визита, и всё началось совершенно обыкновенно. Чай, разговор о погоде, история о дороге, недавняя новость Генри. Сара даже почувствовала облегчение от того, как естественно муж разговаривает с Эдвардом.

Потом за Джозефом пришли.

Он извинился, попросил гостей не торопиться и сказал Саре, что постарается вернуться ненадолго. Она кивнула. Лэнгли продолжил прерванную фразу лишь после того, как дверь закрылась.

Сара сама принесла папку.

Поначалу ей было неловко. Рисунки показались хуже, чем несколько недель назад. Она хотела убрать один, потом другой, но Эдвард заметил и попросил оставить.

– Вы обещали позволить мне составить мнение.

– Я ничего не обещала.

– Тогда я поспешил.

Он отпустил лист, и Сара положила его обратно уже по собственной воле.

Лэнгли рассматривал долго. Спрашивал, где сделано, почему здесь оставлено пустое место, намеренно ли она не закончила край. Некоторые вопросы были наивны. Сара объясняла, поправляла его, смеялась, когда он пытался защищать очевидно неудачный рисунок.

Портрет Эвелин ему понравился.

– Она будет сердиться, если увидит?

– Она видела. Потребовала сделать ей другое выражение лица.

– А вы?

– Предложила сначала изменить его в жизни.

Он рассмеялся так искренне, что Сара сама почувствовала себя остроумнее, чем обычно. Его сестра попросила посмотреть портрет ближе. Разговор сделался общим, но Эдвард время от времени возвращался к какому-нибудь листу и задавал вопрос именно Саре.

Джозеф вернулся, когда они уже собирались.

Сара показала ему раскрытую папку.

– У нас было целое обсуждение.

– Я пропустил?

– Почти.

Он посмотрел на рисунки, спросил Лэнгли о каком-то изображённом месте, и они обменялись несколькими словами. Сара наблюдала за мужем. Ей хотелось, чтобы он теперь увидел листы иначе, раз заметил чужой интерес.

Но Джозеф лишь улыбнулся ей и сказал, что рад, если она решила заниматься снова.

Лэнгли, прощаясь, попросил когда-нибудь показать новые работы.

– Если появятся, – ответила Сара.

– Надеюсь, появятся.

Она почувствовала, что обещает нечто, хотя не произнес-

ла ни слова согласия.

***

Записка пришла через несколько дней.

Ничего особенного в ней не было: благодарность за приятный визит и напоминание о книге, которую обещала дать его сестра. Но письмо было обращено к Саре, и в конце Эдвард приписал вопрос о начатом рисунке.

Сара прочла дважды.

Потом оставила на столе, как оставляла все письма, и несколько раз прошла мимо, прежде чем снова взяла в руки. Ей нравилось видеть собственное имя, написанное чужим уверенным почерком. Понравилось, что он помнил разговор. Она сказала себе, что нет ничего дурного в удовольствии от обычной любезности.

За ужином Джозеф был веселее, чем в последние дни. Рассказал смешную историю, не называя имён, спросил о её матери, потом заметил, что она почти не ест.

– Невкусно?

– Вкусно. Я задумалась.

– О чём?

– Мне прислали книгу.

– Кто?

– Лэнгли. Его сестра обещала.

– Тогда у тебя будет занятие на завтра.

Сара посмотрела на него.

– Ты завтра опять уедешь?

Он объяснил, куда ему нужно и почему не получится вернуться рано. Она слушала. На этот раз рассказ не раздражал: у неё уже возник собственный замысел.

После ужина Сара села за стол и ответила на записку. Поблагодарила за книгу, сообщила, что рисунок пока не удаётся, затем добавила, что завтра после полудня будет дома и сможет вернуть другой том, о котором они говорили.

Она перечитала последнюю строку.

Можно было написать, что пришлёт книгу. Это было бы проще. Или дождаться следующей встречи у родителей. Никто не просил её приглашать его именно завтра.

Сара отложила перо. Джозеф в соседней комнате разговаривал с прислугой о каком-то утреннем поручении. Голос его был отчётливо слышен сквозь приоткрытую дверь.

Она могла позвать его. Сказать, что собирается принять Лэнгли, спросить, не изменятся ли его планы. Он, вероятно, не увидел бы в этом ничего необычного.

Сара посмотрела на написанное ещё раз и сложила лист.

Потом позвала горничную и попросила отправить записку утром.

Когда Джозеф вошёл, письма на столе уже не было. Сара поднялась ему навстречу, взяла за руку и спросила, долго ли он ещё занят.

Он ответил, что на сегодня всё, и обнял её.

Сара прижалась к нему. Ей было стыдно за то, чему она не хотела давать названия. Она пообещала себе, что завтраш-

ний визит ничего не изменит, что будет говорить при открытой двери и не задержит гостя дольше необходимого.

Утром она велела приготовить чай к обычному часу.

А потом, уже выходя из комнаты, вернулась и переложила папку с рисунками на видное место.

Часть вторая

Глава 7

Сара дважды передвинула папку, прежде чем услышала звонок.

Сначала положила её на стол возле окна, как накануне. Потом решила, что это слишком заметно, и убрала на край дивана. Теперь папка лежала между подушкой и раскрытой книгой, словно о ней забыли, занявшись чем-то более интересным. Сара посмотрела на эту небрежность и почувствовала, что сама себе неприятна.

Можно было велеть сказать, что её нет дома.

Вместо этого она поправила волосы и встала навстречу гостю.

Лэнгли принёс книгу, которую обещала его сестра. Другую, предназначенную для возвращения, Сара так и не приготовила. Пришлось позвать горничную, попросить поискать наверху, затем самой объяснять, на какой полке и почему искать следует именно там. Пока она говорила, Эдвард стоял у окна и терпеливо держал шляпу.

Сара наконец замолчала.

– Я, кажется, устроила вам целое поручение, – сказала она.

– Пока мне пришлось только постоять.

– Снимите перчатки. Сейчас принесут чай.

Он положил шляпу, и от этого простого движения всё сделалось окончательным: он останется.

Разговаривали поначалу о рисунках. Сара нашла новое занятие после их предыдущей встречи – пыталась изобразить ветку, поставленную в стакан. Получалось плохо. Линии были слишком жёсткими, вода совсем не походила на воду, а стекло упрямо делалось толще, чем было на самом деле.

Эдвард внимательно посмотрел и спросил, зачем она выбрала именно стакан.

– Потому что он был под рукой.

– Я думал, у вас имелось намерение.

– Вы меня переоцениваете.

– Тогда расскажите, какое намерение у вас могло бы быть.

Сара засмеялась, однако ответила. Ей понравился свет на воде, когда утром отдёрнули штору. Несколько мгновений ветка словно стояла не в стакане, а отдельно, и хотелось сохранить именно это. Пока она объясняла, сама заметила, что рисунок совершенно не передаёт того, о чём она говорит.

– Наверное, я выбрала слишком трудное.

– Или просто ещё не закончила, – сказал Эдвард.

Она посмотрела на него с благодарностью, которую не собиралась показывать так открыто.

Горничная принесла чай и найденную книгу. Сара предложила гостю сесть ближе к столу. Открытая дверь остава-

лась в поле зрения. В коридоре прошли, потом ещё раз; каждый такой звук сначала её успокаивал, затем стал мешать.

Эдвард рассказал о картине, которую однажды видел в чужом доме. Не помнил имени художника и несколько раз поправлялся, пытаясь объяснить, что именно его поразило. Сара помогала вопросами. Они спорили, можно ли запомнить цвет точнее лица, и она поймала себя на том, что вовсе не старается согласиться, чтобы понравиться.

Ей нравилось спорить с ним.

Когда он поднялся, оказалось, что пробыл гораздо дольше, чем требовалось для возвращения книги.

– Я вас задержала, – сказала Сара.

– Я не заметил.

Она не ответила сразу.

Лэнгли смотрел на неё уже без той лёгкости, с которой шутил за чаем. Сара почувствовала, как изменилось собственное лицо, и торопливо отвернулась к столику.

– Передайте сестре мою благодарность.

– Непременно.

Он поклонился. Она проводила его до двери гостиной, дальше не пошла. Слышала, как в прихожей подают пальто, как открывается входная дверь, как звук экипажа постепенно удаляется.

Вернувшись к столу, Сара увидела две чашки и неубранные рисунки.

Ничего не случилось.

Она повторила это мысленно с таким облегчением, что лишь позднее испугалась самого облегчения.

***

В феврале они встретились у знакомых.

Джозеф приехал вместе с ней. Во время ужина сидел достаточно далеко, чтобы Сара могла не следить за каждым его движением, но достаточно близко, чтобы слышать, когда он смеётся. Эдвард оказался напротив. Они обменялись несколькими обыкновенными замечаниями, и только однажды он спросил о стакане.

Сара поняла сразу. Сидевшая рядом женщина не поняла и пожелала узнать, что в нём такого необыкновенного.

– Я пыталась его нарисовать, – ответила Сара.

– Вы рисуете?

– Немного.

– Как мило. У меня дочь тоже рисует. Правда, ей недостаёт терпения.

Разговор переменился. Эдвард не стал помогать, и Сара была ему за это благодарна. Ей не хотелось, чтобы их общее маленькое знание объясняли всем.

Позднее он подошёл, когда она стояла возле книжного шкафа. Показал переплёт, о котором говорили в прошлый раз. Сара сказала, что это совсем не тот цвет. Он вынул книгу, поднёс к свету и признал, что она права.

Она протянула руку, чтобы вернуть том на место, и его пальцы коснулись её пальцев.

Такое случалось прежде с другими людьми. Перчатки мешали, книги бывали тяжёлыми, руки встречались на ручке двери. Но сейчас ни один из них не отнял руку сразу.

Сара первая отступила.

– Простите, – сказал он тихо.

Она кивнула и посмотрела в другую сторону.

Джозеф разговаривал с хозяйкой дома. Заметив взгляд жены, улыбнулся ей. Сара улыбнулась в ответ. Рука, которую только что держал другой мужчина, показалась ей неуместной возле собственного платья. Она сцепила пальцы перед собой.

Домой ехали молча. Джозеф решил, что она устала. Сара не разубедила его.

Перед сном он заметил, что она задумчива, и спросил, не случилось ли чего-нибудь.

– Нет. Просто голова болит.

Он предложил остаться рядом. Сара отказалась, сказав, что хочет уснуть пораньше. Когда он поцеловал её, она ответила с поспешностью, которую он принял за нежность.

Потом лежала в темноте, прислушиваясь к звукам в соседней комнате. Ей хотелось позвать его и рассказать всё, пока рассказывать было почти нечего. Неловкое прикосновение, её ответное движение, странное желание снова увидеть человека, с которым не следовало искать встреч.

Джозеф понял бы. Или не понял бы, но попытался. Сара знала его достаточно хорошо, чтобы представить, как он вы-

слушает, какой вопрос задаст первым, как побледнеет, если услышит больше, чем ожидает.

И потому не позвала.

Наутро решила, что больше не будет принимать Лэнгли одна.

Через неделю ответила на его записку.

***

Весной Сара научилась быстро складывать письма.

Прежде она могла оставить лист раскрытым, перейти к окну, вернуться и дописать забытое. Теперь, услышав шаги, сначала накрывала написанное ладонью. Это движение стало привычным раньше, чем она согласилась признать, что приобрела привычку.

Эдвард не требовал от неё обещаний. Писал редко, выбирал осторожные слова, словно оба ещё имели возможность считать происходящее невинным. Они встречались при людях и находили короткие минуты, когда разговор становился другим. Он помнил её прежние ответы, замечал перемены настроения, однажды спросил, почему она весь вечер старается казаться весёлой.

Сара ответила, что он слишком внимателен.

– Мне перестать? – спросил он.

Она могла сказать «да».

Вместо этого посмотрела на него так, что он больше не переспросил.

Первый поцелуй случился в доме его сестры. Та вышла к

кому-то в прихожую; Сара уже собиралась уходить, держала перчатки и говорила, что опоздает к ужину. Эдвард взял её за руку. Она замолчала, не пытаясь освободиться.

Он произнёс её имя.

Сара подняла лицо сама.

После она долго сидела в экипаже, хотя дорога до дома была короткой. Не помнила, что ответила, когда вернулась хозяйка. Вспоминала только его руку и собственное желание, которое уже нельзя было принять за случайную слабость.

Джозеф в тот вечер пришёл раньше неё.

Сара увидела его в прихожей и остановилась, ещё не сняв накидки.

– Я думал, ты уже дома, – сказал он.

– Мы задержались.

– Было приятно?

– Да.

Он подошёл, помог ей снять накидку. У него были тёплые руки. Сара вдруг почувствовала такую жалость к нему, что почти испугалась: он ещё ничего не знал, а она уже жалела его.

– Что с тобой? – спросил он, заметив её лицо.

– Ничего. Я просто соскучилась.

Она обняла его первой. Прижалась крепко, стараясь вернуть себе то чувство, которое прежде делало все вопросы ненужными. Джозеф ответил на объятие, и некоторое время

ей даже казалось, что ещё можно остаться здесь, не двигаясь дальше.

Но на следующий день, получив письмо Эдварда, Сара прочла его с радостью.

***

В апреле Джозеф предложил провести вместе несколько дней вне города.

Он сказал об этом за завтраком, передвинув в сторону лежавшие возле тарелки бумаги. Сара подняла голову. Поначалу подумала, что ослышалась.

– Ты можешь уехать?

– Ненадолго. Я договорюсь, чтобы меня заменили.

– А если понадобится…

– Тогда выяснится, что существуют и другие врачи, – сказал он с улыбкой.

Сара смотрела на него. Она сама просила о такой поездке зимой, но тогда ничего не вышло. Теперь за несколько мгновений пришлось вспомнить прежнее желание и попытаться почувствовать его заново.

– Куда ты хотел бы?

– Я надеялся, ты скажешь.

Он ждал её ответа с удовольствием человека, приготовившего сюрприз. Сара назвала место, где они прежде бывали. Он стал расспрашивать о доме, о дороге, предложил написать заранее.

Она согласилась на всё.

Поездка получилась хорошей. Было ещё прохладно, но в середине дня можно было долго гулять. Джозеф впервые за несколько недель не прислушивался к шагам за дверью. Сара рассказывала ему о детстве, он – о людях, которых она никогда не встречала. Один раз они заблудились, поспорили о дороге и потом долго смеялись, обнаружив знакомую ограду совсем с другой стороны.

Вечером он спросил, счастлива ли она.

Сара сидела возле него, согрев ноги под пледом. В комнате было тихо. На столе лежала книга, которую они так и не открыли.

– Сейчас – да, – ответила она.

Он взял её руку.

– А дома?

Сара посмотрела на него.

– Почему ты спрашиваешь?

– Ты стала иначе держаться. Я не всегда понимаю, чем могу помочь.

У неё перехватило дыхание. Он заметил. Не всё, но заметил достаточно, чтобы спросить. Можно было рассказать сейчас, когда им никуда не нужно идти, никто не позовёт из прихожей, не появится удобная причина отложить.

– Мне иногда одиноко, – сказала она.

Это было правдой. И всё же, произнеся её, Сара почувствовала, что использует правду как прикрытие.

Джозеф долго молчал, глядя на их соединённые руки.

– Мне жаль, – сказал он. – Я думал, ты привыкнешь. Это было самонадеянно.

– Ты работаешь. Я знаю.

– Я и до свадьбы работал. Только тогда мы оба представляли остальное несколько проще.

Он не оправдывался. Обдумывал, что можно изменить, спрашивал, чего ей не хватает. Сара отвечала всё тише. Хотелось остановить его, сказать, что дело уже не только в нём, что он пытается исправить меньшую часть беды и не знает о большей.

Она не сказала.

Когда вернулись, Сара застала дома записку Эдварда. Он спрашивал, когда увидит её.

Она ответила в тот же день.

***

К маю ложь перестала требовать приготовления.

Сара говорила, что едет к матери, и действительно заезжала в Вудли, но ненадолго. Ссылалась на покупки, которых потом не могла сразу показать. Однажды попросила горничную сказать мужу, что отдыхает, хотя ждала письма и не хотела, чтобы он застал её у окна.

За каждым обманом оставался какой-нибудь человек, который мог случайно всё разрушить. Сара стала внимательнее к прислуге, чем прежде: прислушивалась к интонациям, спрашивала о поручениях, сердилась на медлительность, когда на самом деле боялась чужой наблюдательности.

Эдвард говорил, что так продолжаться не может.

Впервые он сказал это не после приятного часа, когда всё казалось лёгким, а среди неудобного разговора о следующей встрече. Ему нужно было уехать по делам. Сара не могла объяснить Джозефу ещё одну поездку к матери. Они оба раздражались и оба хотели, чтобы другой придумал решение.

– Я не могу просто исчезнуть из дома, – сказала Сара.

– Я этого не прошу.

– Но ты хочешь, чтобы я приехала.

– Да. Я хочу тебя видеть.

Она отвернулась. В его голосе прозвучало нетерпение. Прежде она почти не слышала его, и от этого оно показалось особенно резким.

Эдвард подошёл, коснулся её плеча.

– Прости. Я не должен сердиться на тебя за то, что сам принимаю.

Сара закрыла глаза. Он обнял её, и привычное сильное чувство опять заслонило всё, что минуту назад тревожило. Позднее он заговорил об отъезде вместе.

Она слушала, не отвечая.

Его слова рисовали жизнь, в которой не придётся торопиться домой, прятать листы, думать, кто открыл дверь. Они смогут говорить за завтраком, идти рядом по улице, оставаться в одной комнате, не прислушиваясь к коридору. Сара так устала от собственной лжи, что эта возможность показалась почти нравственным выходом.

О том, что придётся оставить после себя, она думала короткими приступами. Дом. Мать. Отца. Джозефа.

При мысли о муже становилось так больно, что Сара торопилась вернуться к обещанной свободе.

Она не спрашивала подробно, как они будут жить. Эдвард говорил уверенно, имел средства, знал людей за границей. Для всего, что тревожило, находилось общее объяснение: позже они устроятся.

В начале июня Сара согласилась.

***

За несколько дней до отъезда Эвелин приехала в Вудли проведать Хестер и застала там кузину.

Сара стояла возле окна с письмом в руке. Услышав шаги, сложила его прежде, чем увидела вошедшую.

– Ты одна? – спросила она.

– Пока да. Папа уехал по делам и заберёт меня позже.

Сара кивнула, убирая письмо.

Эвелин сняла перчатки. Кузина выглядела утомлённой, хотя стояла так прямо, словно усилие держаться могло скрыть всё остальное.

– Ты нездорова?

– Нет. Просто плохо спала.

– Тётя Мэри опять решила что-нибудь переставить?

Сара улыбнулась, но поздно.

Эвелин это заметила и растерялась. Ей хотелось быть приветливой; хотелось также узнать, почему Джозеф не приехал.

Оба желания мешали друг другу.

– Как он? – спросила она наконец.

– Кто?

Эвелин почувствовала, что краснеет.

– Джозеф. Ты говорила, у него много работы.

Сара посмотрела на неё внимательно. Потом отвела глаза.

– Он здоров. Просто занят.

– Понятно.

Возникла пауза, в которой слышно было, как в соседней комнате Хестер отчитывает кого-то за исчезнувшую закладку.

– Ты к ней? – спросила Сара.

– Да.

– Она будет рада.

Эвелин уже повернулась к двери, когда кузина окликнула её.

– Ты счастлива здесь?

Вопрос был такой неожиданный, что она обернулась.

– Здесь? В Вудли?

– Вообще. Дома. Со всеми.

– Иногда папа заставляет слушать историю, которую я знаю с детства. В остальном не жалуюсь.

Сара не улыбнулась.

– А тебе никогда не хочется уехать?

Эвелин подумала о предложенной отцом поездке, от которой отказалась. О Бате, где жил Джозеф. О том, что с тех пор

даже незнакомые места казались менее интересными только потому, что его там не будет.

– Иногда, – сказала она. – Но я всё равно хочу возвращаться.

Сара кивнула, словно именно это и ожидала услышать.

– Конечно.

Эвелин постояла ещё немного. Ей показалось, что нужно спросить о чём-то другом, но она не знала о чём. Из соседней комнаты снова донёсся голос Хестер, теперь звавшей её по имени.

– Я пойду, – сказала Эвелин.

– Иди.

Сара осталась у окна. В кармане лежало письмо, которое ей не хотелось доставать при кузине.

Вечером она вернулась к мужу раньше обычного. Джозеф удивился, увидев её в прихожей, и обрадовался так явно, что Сара не сразу смогла ответить на приветствие.

Они поужинали вместе. Она расспрашивала о его дне, не перебивала и слушала внимательно, стараясь запомнить голос, лицо, привычное движение руки, когда он отодвигал чашку.

Потом Джозеф предложил пройтись. Сара согласилась. На улице пахло пылью и цветущими садами. Они шли медленно, и он придерживал её руку так бережно, будто от одного этого зависело, чтобы дорога была удобной.

Сара почти сказала ему, что передумала.

Но он не знал, о чём она могла передумать, а она не решилась начать с самого начала.

Глава 8

Вернувшись домой, Джозеф увидел на своём столе конверт и сначала подумал, что Сара оставила просьбу.

Так уже бывало. Она отправлялась к матери, вспоминала что-нибудь перед самым отъездом и писала несколько строк: не забыть ответить, отдать человеку книгу, велеть перенести ящик. Иногда внизу появлялось ещё одно замечание, не имевшее отношения к делу, и тогда он улыбался прежде, чем успевал дочитать.

Сегодня конверт был закрыт.

Джозеф поставил сумку возле кресла. В прихожей говорили, что жена уехала после полудня. Она собиралась в Вудли, вероятно, задержится до вечера. Он уже собирался позвать миссис Прайс и спросить, подавать ли ему обедать одному, когда заметил, как написано имя.

Только имя. Без привычной торопливой росчерка под последней буквой.

Он вскрыл конверт, не садясь.

«Джозеф,

я уезжаю с Эдвардом Лэнгли.

Я знаю, что после этих слов никакое объяснение не сделает мой поступок менее жестоким. Не хочу лгать тебе ещё и в письме: между нами давно существует связь, о которой ты не знаешь. Я обманывала тебя и не могу просить, чтобы

ты понял или простил.

Ты был добр ко мне. Я помню это. Пожалуйста, не думай, что всё хорошее между нами было притворством. Я не сумела сохранить того, что у нас было, и виновата перед тобой больше, чем могу сейчас написать.

Не разыскивай меня. Когда мы устроимся, я сообщу, куда можно направлять письма по необходимым делам. Маме я написала отдельно, но не знаю, когда она получит письмо. Мне стыдно просить тебя о чём-либо, и всё же, если ты увидишь её раньше, скажи, что со мной ничего не случилось.

Прости, что оставляю тебе и это.

Сара».

Джозеф перечитал первую строку.

Потом следующую.

В комнате ничего не изменилось. Из приоткрытого окна тянуло тёплым воздухом, на столе лежало ещё одно письмо, которое следовало прочесть, в коридоре кто-то передвинул стул. Джозеф слышал всё это с необыкновенной ясностью. Бумага была тонкой; сквозь неё просвечивали последние строки, и ему всё время мешали разбирать слова с другой стороны.

Он положил лист на стол, прижал ладонью.

Лэнгли. Человек, который пил здесь чай. Которому он сам подавал руку.

Нужно было вспомнить, когда они виделись в последний раз. Джозеф попробовал и не смог: все недавние встречи

смешались. Лэнгли стоял у камина, сидел возле окна, слушал Сару, отвечал ему самому. В каждой из этих сцен теперь существовало второе содержание, которого Джозеф не заметил.

Он взял письмо снова. Прочёл целиком, на этот раз до подписи, и только тогда сел.

Через несколько минут постучали.

– Войдите.

Миссис Прайс остановилась у двери. Полная, аккуратно одетая женщина, которая управляла хозяйством ещё до его свадьбы, держала руки так, словно только что сняла передник.

– Прикажете подавать, сэр?

– Жена говорила, когда вернётся?

Вопрос прозвучал раньше, чем он успел подумать, что спрашивает.

– Нет, сэр. Я полагала, она сказала вам.

– У неё были вещи?

Женщина посмотрела на конверт, потом на его лицо.

– Дорожная сумка, сэр. Она велела не беспокоить вас поручениями. Сказала, что оставила записку.

Джозеф кивнул.

– Благодарю. Сейчас ничего не нужно.

Миссис Прайс не сразу вышла.

– Воды, сэр?

– Нет.

Он дождался, пока дверь закроется. Затем поднялся и пошёл наверх.

В Сариной комнате были открыты шторы. На столике стояла щётка, лежали несколько булавок; на спинке стула – лёгкая домашняя накидка. Джозеф посмотрел на неё и неожиданно узнал, что именно не в состоянии выдержать: она выбирала. Подходила к шкафу, брала нужное, оставляла ненужное. Делала это здесь, в комнате, где утром спрашивала, скоро ли он вернётся.

Он вспомнил её голос.

«Ты будешь к обеду?»

Он ответил, что постарается.

Сара сказала: «Хорошо».

Джозеф вышел, не прикоснувшись ни к одной вещи.

***

До Вудли он ехал с письмом во внутреннем кармане.

Дорога была знакома настолько, что обычно он не замечал её. Сейчас каждый поворот требовал терпения. Хотелось приехать скорее и одновременно – не доезжать вовсе. Пока он не видел Генри и Мэри, оставалась странная возможность, что они скажут нечто, от чего прочитанное изменит смысл.

Мэри оказалась дома. Услышав, кто приехал, вышла навстречу и сразу спросила:

– Сара с тобой?

Джозеф остановился у входа в гостиную.

– Нет.

– Я думала, она приедет сегодня. Прислала сказать ещё вчера. Ты не знаешь, что её задержало?

Он посмотрел на неё и понял, что сказать придётся ему.

– Генри дома?

Мэри переменилась в лице.

– Что случилось?

– Мне нужно поговорить с вами обоими.

Она ещё несколько мгновений смотрела на него, затем повернулась к стоявшему неподалёку слуге и велела позвать мужа.

Джозеф вошёл. Здесь всё было так же, как в день свадьбы, только возле окна стоял другой стол и за стеклом была густая летняя листва. Он помнил, как Сара тогда сидела на краю дивана в подвенечном платье. Он искал её по дому и нашёл рядом с Эвелин.

Сейчас на том же диване лежало рукоделие Мэри.

Генри пришёл быстро. Начал говорить ещё у двери:

– Что у вас произошло? Мэри, ты…

Увидел лицо Джозефа и замолчал.

– Сара уехала, – сказал тот.

Мэри не села. Положила руку на спинку кресла.

– Куда?

– С Лэнгли.

Генри нахмурился, словно не разобрал фамилию.

– Как с Лэнгли?

Джозеф достал письмо.

– Она оставила это.

Он не хотел отдавать его. Там были слова, предназначенные ему одному, жалкая попытка Сары сохранить хоть что-нибудь из прежнего – и просьба о матери, которую теперь придётся читать самой матери. Но объяснять вслух было ещё тяжелее.

Генри взял лист. Мэри подошла к нему и попыталась читать через плечо; он невольно отвернулся, потом, спохватившись, подвинул бумагу ближе.

– Нет, – сказала Мэри.

Больше ничего не произнесла. Только повторила через некоторое время:

– Нет.

Генри дочитал до конца, перевернул лист, будто за подписью должно было оказаться продолжение. Опустил руку.

– Где она?

– Я не знаю.

– Ты спрашивал?

– У кого?

Вопрос вышел резким. Генри посмотрел на него, и Джозеф увидел, как быстро страх делает людей несправедливыми: тому уже нужен был человек, который не доглядел, не спросил, не остановил.

– У прислуги, – сказал Генри тише.

– Она велела передать, что оставила мне записку. Взяла

дорожную сумку. Больше мне ничего не известно.

Мэри села, не отводя глаз от письма.

– Она была здесь во вторник. Мы говорили о платье. Она собиралась переделать рукава.

Никто не ответил.

– Я бы заметила, – прибавила Мэри. – Если бы она собиралась… Я бы непременно заметила.

Джозеф смотрел на письмо в руках Генри. Ему тоже казалось, что должен был заметить.

Генри положил бумагу на стол с такой осторожностью, будто она могла испачкать пальцы.

– Лэнгли бывал у вас?

– Да.

– Часто?

– Достаточно, чтобы я подавал ему руку.

Генри опустил глаза.

Мэри вздрогнула, услышав чужую фамилию ещё раз, и вдруг заговорила быстро. Нужно послать человека в его дом. Написать сестре. Выяснить, когда он уехал. Может быть, они ещё не успели далеко. Может быть, Сара одумается, если с ней поговорить. Мэри готова ехать сама.

Джозеф слушал и не мог представить, что скажет Саре, если та действительно окажется сейчас за дверью.

– Джозеф, – позвала Мэри. – Ты меня слышишь?

– Да.

– Мы должны что-нибудь сделать.

Он провёл ладонью по краю столика.

– Вы можете написать. Вы её родители.

– А ты её муж.

Он поднял глаза.

Мэри посмотрела на него и перестала говорить. В комнате стало слышно, как за окном стрижёт кусты садовник. Ровный металлический звук повторялся через одинаковые промежутки времени.

Генри попросил разрешения оставить письмо ненадолго. Джозеф отказал слишком поспешно, затем заставил себя объяснить:

– Я хотел бы забрать его. Она пишет, что отправила вам отдельное.

Мэри прикрыла рот рукой.

Он взял лист, сложил по прежним линиям и убрал в карман. Генри подошёл проводить, но остановился прежде двери.

– Мне стыдно, – сказал он.

Джозеф смотрел на него.

– Вам не за что.

– Она моя дочь.

– Я знаю.

Этого оказалось достаточно. Генри отвернулся, а Джозеф вышел, чувствуя усталость, которой не было даже после бессонных ночей у больного.

***

В Элм-хаусе об этом узнали вечером следующего дня.

Эвелин заметила, как отцу подали письмо, как он прочёл и не сразу опустил лист. Она сидела возле окна с работой, которую взяла лишь затем, чтобы было чем занять руки. На ткани постепенно появлялся узор; всё остальное в её жизни, казалось, не двигалось уже много месяцев.

– Папа?

Он посмотрел на неё и тут же отвёл глаза.

– Мне нужно съездить в Вудли.

– Что-нибудь с Хестер?

– Нет. С ней всё хорошо.

– Тогда что?

Он начал складывать письмо. Промахнулся мимо сгиба, развернул и попробовал снова.

Эвелин встала.

– Папа, ты меня пугаешь.

Ричард положил лист на стол.

– С Сарой ничего не случилось, – сказал он и по собственному лицу дочери понял, что начал неудачно. – Она жива. Она здорова, насколько нам известно. Просто…

Он не хотел говорить это ей. Эвелин увидела, как старается подобрать слова, которыми можно было бы обойтись без того, что придётся произнести.

– Она уехала от Джозефа.

Эвелин не пошевелилась.

– Куда?

– С другим человеком.

У неё онемели пальцы. Работа, которую она всё ещё держала, заскользила вниз; пришлось поймать ткань и положить на стул.

– С кем?

– С Лэнгли. Ты его видела у Уитморов.

Она вспомнила приятного мужчину возле Сары. Его шляпу на столике. Смех кузины. Всё это было давно и совсем недавно, а теперь вдруг понадобилось вспомнить точно.

Сара уехала.

Джозеф остался один.

Мысль возникла целиком, прежде чем Эвелин успела ужаснуться тому, что сделала кузина. На короткое мгновение стало легко – так легко, что она вцепилась пальцами в край стула, испугавшись собственного облегчения.

Отец подошёл.

– Сядь, моя дорогая.

– Я постою.

– Ты побледнела.

– А он?

– Кто?

– Джозеф. Он знает?

Ричард посмотрел на неё с болью, которую она не ожидала увидеть.

– Конечно, знает. Она оставила ему письмо.

Эвелин села сама. В голове почему-то звучал голос Сары:

«Ты счастлива здесь?» Нужно было тогда что-нибудь понять. Задать другой вопрос. Остаться. Но она думала о Джозефе совсем не так, как следовало, и даже сейчас первой мыслью было…

Она не закончила.

– Ты поедешь к нему? – спросила она.

– Сначала к Генри. Он просит приехать. Потом, если Джозеф позволит.

– Если позволит?

– Сейчас он вряд ли хочет видеть всех подряд.

Ричард провёл рукой по её волосам. Эвелин хотелось отстраниться. Его утешение попадало совсем не туда, где было больно.

– Ты ведь не знала? – спросил он.

Она резко подняла голову.

– Нет.

– Я так и думал. Вы были близки. Генри спрашивает… Он сейчас сам не знает, о чём спрашивать.

– Я ничего не знала, папа.

– Конечно. Конечно, моя девочка.

Он сказал это с полным доверием. Эвелин было не за что винить себя перед ним, и всё же она не могла смотреть ему в лицо.

Когда отец уехал, она долго сидела на прежнем месте. В комнате начало темнеть. Нэнси принесла свечи и спросила, подавать ли ужин.

Эвелин сначала отказалась, потом вспомнила, что отец будет ждать, ел ли кто-нибудь дома, и попросила оставить немного для него.

О себе не подумала.

Нэнси принесла ей хлеб и чай без нового вопроса. Эвелин посмотрела на поднос, хотела сказать, что ничего не нужно, но вдруг почувствовала голод. Поблагодарила.

Горничная задержалась у двери.

– Что-нибудь случилось, мисс?

– Да. Но я пока не могу говорить.

– Хорошо, мисс.

Нэнси вышла, и Эвелин осталась одна с мыслью, которую нельзя было ни прогнать, ни принять: Сара сама ушла от человека, которого она, Эвелин, так долго хотела видеть рядом.

***

Далеко от Бата Сара разбирала дорожную сумку в чужой комнате.

Эдвард ушёл распорядиться об ужине. За дверью говорили незнакомые люди. Всё, что ещё утром казалось трудным, уже было сделано: она вышла из дома, доехала, встретила его. Никто не остановил. Никто не позвал по имени в последний момент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.